

Ж У Р Н А Л Ы СОВѢТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

28 января 1894 года.

Присутствовали, подъ председательствомъ Ректора Академіи, архимандрита Антонія, и. д. Инспектора іеромонахъ Сергій и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: Н. И. Субботина и М. Д. Муретова, не присутствовавшихъ по болѣзни и профессора П. И. Горскаго, не присутствовавшего по семейнымъ обстоятельствамъ.

Слушали: І. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Дек. 26. Въ совѣтъ академіи“ указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 22 Декабря 1893 года за № 6078:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 26 минувшаго Ноября за № 19845, съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія, по ходатайству Вашего Преосвященства о разрѣшеніи Совѣту Московской Духовной Академіи принять въ число академическихъ студентовъ І курса сербскаго урожевца Михаила Поповича, получившаго на пріемномъ испытаніи въ академіи неудовлетворительный баллъ по церковной исторіи и не державшаго испытаній по латинскому и нѣмецкому языкамъ, вслѣдствіе недостаточности познаній по симъ предметамъ. При ка за ли: Принимая во вниманіе, что Синодальнымъ опредѣленіемъ 11—марта—9 апрѣля 1869 г. предписано начальствамъ духовно-учебныхъ заведеній, поступающимъ въ сіи заведенія иностранцамъ оказывать всевозможное снисхожденіе на пріем-

ныхъ экзаменахъ и что несполнѣ удовлетворительныя познанія Поповича въ предметахъ семинарскаго курса могли зависѣть отъ недостаточнаго знанія имъ русскаго языка, и могутъ быть восполнены въ теченіе академическаго курса, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣту Московской духовной Академіи принять сербскаго уроженца Михаила Поповича въ число академическихъ студентовъ I курса и 2) назначить ему, Поповичу, согласно заключенію Хозяйственнаго Управленія, стипендію по двѣсти двадцати рублей въ годъ, со времени поступленія его въ академію, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ кредита на содержаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ воспитанниковъ изъ славянъ и иностранцевъ; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ исполненію, а о назначеніи Михаилу Поповичу стипендіи по 220 руб. въ годъ сообщить Правленію Академіи.

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Дек. 31. Въ совѣтъ академіи“ указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 30 Декабря 1893 года за № 6132:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о замѣщеніи должности инспектора Московской духовной академіи. Приказали: На основаніи бывшихъ разсужденій, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: назначить и. д. доцента С.-Петербургской духовной академіи іеромонаха Сергія исправляющимъ должность инспектора Московской духовной академіи, съ предоставленіемъ ему участія во вѣсхъ собраніяхъ академическаго Совѣта и Правленія на правахъ штатнаго инспектора и съ производствомъ положеннаго по сей должности содержанія; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ.“

б) Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ Совѣта Академіи отъ 13 Октября 1893 г. „Окт. 23. Если на должности инспектора будетъ монашествующее лицо, то для него надобно оставить кафедру нравственнаго богословія“.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ исполненію, а о назначеніи іеромонаха Сергія и. д. инспектора академіи сообщить (и сообщено) Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

III. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ Совѣта Академіи:

а) отъ 14 сентября 1893 года: „Дек. 31. Представленіе, съ приложеніями, внесено на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода“.

б) Отъ 14 декабря 1893 года: „Дек. 29. Дѣйствительные студенты: Алексѣй Целебровский, Иванъ Орловскій, Владиміръ Троицкій и Николай Берсенева утверждаются въ степени кандидата богословія.--Прочее въ семь журналѣ читано и по оному исполнить все, требующее исполненія“.

Справка: Въ журналѣ отъ 14 сентября 1893 года Совѣтъ Академіи благопочтительнѣйше просилъ ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи законоучителя Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института, кандидата богословія, священника П. Я. Свѣтлова въ степени магистра богословія; при этомъ представлены были Его Высокопреосвященству два экземпляра диссертации священника Свѣтлова и копіи съ отзывомъ о ней о. ректора академіи и профессора А. Д. Вѣльева.

Опредѣлили: 1) Объ утвержденіи Алексѣя Целебровскаго, Ивана Орловскаго, Владиміра Троицкаго и Николая Берсенева въ степени кандидата богословія сообщить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ и въ канцелярію Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. 2) Изготовить для означенныхъ лицъ кандидатскіе дипломы и препроводить ихъ въ подлежащія духовныя Консисторіи; прочее принять къ свѣдѣнію.

IV. а) Сданные Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Хранить сіе посланіе при дѣлѣ объ избраніи почетныхъ членовъ академіи“ отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Государственнаго контролера, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Тертія Ивановича Филиппова отъ 31 Декабря 1893 года:

„Московская Духовная Академія была нѣкогда мнѣ роднымъ домомъ. Первое мое знакомство съ нею относится къ тѣмъ давно минувшимъ днямъ, когда Ваше Высокопреосвященство только что полагали начало своему служенію церкви и наукѣ. При воспоминаніи о тѣхъ дняхъ, въ моемъ представленіи возстаютъ, какъ живые, дивные образы тогдашнихъ членовъ академическаго сонма, О. А. Голубинскаго, П. С. Делицына, А. В. Горскаго и другихъ, которыхъ, по сравненію съ сими исполинами, можно назвать *dii minores*. Падъ вѣми же ими стоить уходящій въ недо-

сягаемую высоту образъ Московскаго Святителя, высокаго покровителя и отца Академіи, о милости и благоволеніи коего ко мнѣ—отъ моихъ юныхъ лѣтъ—я храню въ моей душѣ признательное воспоминаніе какъ о нѣкоемъ священномъ сокровищѣ. Изъ ученыхъ представителей Академіи особенно тѣсными узами дружбы я связанъ былъ съ А. В. Горскимъ, который овладѣлъ моею душею съ перваго нашего свиданія сочетаніемъ высокаго смиренія съ глубиною мудрости, напомнившимъ мнѣ изреченіе знаменитаго подвижника: „дерево, обремененное плодами, всегда клонитъ свои вѣтви внизъ“.

Мало по малу, всѣ эти милые и присные мнѣ служители науки и Церкви отошли въ блаженную вѣчность; ихъ смѣнили иные люди, коимъ я былъ чуждъ, и двери нѣкогда родной мнѣ Академіи для меня закрылись.

Но—годъ тому назадъ,—прибывъ на великое торжество памяти преподобнаго Сергія, я посѣтилъ Академію въ день ея праздника и былъ встрѣченъ теплымъ и трогательнымъ привѣтомъ ея современныхъ представителей, изъ коихъ иные въ первый только разъ видѣли лице мое. Согрѣтый ихъ ласкою, я ощутилъ возобновленіе моея духовной связи съ этимъ знаменитымъ и священнымъ учрежденіемъ и простился съ нимъ, благодаря Бога за испытанную мною радость. И вотъ теперь чрезъ почетное избраніе меня въ ея члены я вновь усвоюсь дорогой мнѣ Московской Академіи и еще ближе—прискрепенне—пріобщаюсь къ ея союзу, снисходительно благоволившему открыть мнѣ свои ряды.

Оказанный мнѣ почетъ возвеличенъ тѣмъ, что Вашему Высокопреосвященству было угодно принять на себя благосклонное посредничество между Академією и мною и передать мнѣ ея дипломъ изъ рукъ въ руки, что и совершилось въ храмѣ Государственнаго контроля, послѣ благодарнаго Господу Богу молебствія и провозглашенія многолѣтія Вашему Высокопреосвященству и почтившей меня Академіи.

Принявъ однажды на себя посредничество между мною и Академією, Ваше Высокопреосвященство тѣмъ поставили меня въ необходимость беспокоить Васъ просьбою быть еще разъ посредникомъ между Академією и моею вѣчною къ ней благодарностію“.

б) Письмо на имя о. Ректора Академіи Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Владиміра Карловича Саблера:

„Сердечно признательный Совѣту Академіи и Вамъ за высокую честь мнѣ оказанную избраніемъ въ почетные члены Академіи,

почту себя счастливымъ, если съумѣю принести хотя нѣкоторую пользу учрежденію, всегда мною почитаемому, а съ настоящаго времени особо дорогому“.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ исполненію, а прочее—къ свѣдѣнію.

V. Отношенія Канцеляріи Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) Отъ 17 Декабря 1893 г. за № 6910: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 9 текущаго Декабря, докладу учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ опредѣлены преподавателями кандидаты Московской Духовной Академіи: Александръ *Васильевъ*, Кирилль *Первозниковъ*, первый въ Тобольскую духовную семинарію по гомилетикѣ и соединеннымъ съ нею предметамъ и послѣдній въ Приворотское духовное училище по русскому языку во II, III и IV классахъ, а дѣйствительный студентъ той же Академіи Николай *Берсневъ*, состоявшій доселѣ секретаремъ при Ярославскомъ епархіальномъ Попечительствѣ, помощникомъ инспектора въ Вологодскую Духовную Семинарію“.

б) Отъ 24 Декабря за № 7079: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 16-го текущаго Декабря, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ опредѣлены преподавателями кандидаты Московской Духовной Академіи: Михаилъ *Святлаевъ* и Михаилъ *Маминскій* первый въ Вятскую духовную семинарію по обличительному богословію, исторіи и обличенію русскаго раскола и мѣстныхъ сектъ, а послѣдній въ Соликамское духовное училище по латинскому языку“.

в) Отъ 21 Января текущаго года за № 330: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 13-го текущаго Января, докладу-Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно учебную службу кандидатъ Московскій Духовной Академіи Сергѣй *Казанскій* преподавателемъ по гомилетикѣ и соединеннымъ съ нею предметамъ въ Виоанскую духовную семинарію“.

Къ сему Канцелярія присовокупляетъ, что объ ассигнованіи поименованнымъ лицамъ слѣдующихъ имъ, по положенію, денегъ сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ.

г) Отъ 21 Декабря 1893 года за № 6986: „Въ отношеніи отъ 18 минувшаго Полября за № 6101 было сообщено Совѣту Московской Духовной Академіи объ опредѣленіи кандидата оной Александра *Товарова* на должность преподавателя по ариометикѣ

и географіи въ Измаильское духовное училище. Нынѣ, согласно утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 9 текущаго Декабря, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, Товаровъ, вмѣсто даннаго ему назначенія на службу въ Измаильское духовное училище, получилъ другое назначеніе, — именно на должность преподавателя по обличительному богословію, исторіи и обличенію русскаго раскола и мѣстныхъ сектъ въ Минскую духовную семинарію.

Канцелярія Оберъ-Прокурора долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для надлежащаго свѣдѣнія и зависящаго, въ чемъ слѣдуетъ, распоряженія, въ дополненіе къ вышеупомянутому отношенію за № 6101^а.

д) Отъ 23 Декабря за № 7014: „Кандидаты Московской Духовной Академіи Василій *Данскій* и Василій *Воскресенскій*, опредѣленные на должности, — первый учителя по латинскому языку въ Соликамское духовное училище, а послѣдній — преподавателя по гомилетикѣ и соединеннымъ съ нею предметамъ въ Благовѣщенскую духовную семинарію, уволены Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 16 текущаго Декабря, отъ даннаго имъ назначенія на службу въ упомянутыя заведенія, по случаю болѣзненнаго ихъ состоянія.

Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ совѣту академіи для надлежащаго свѣдѣнія въ дополненіе къ отношеніямъ оной отъ 22 Сентября и 11 Ноября текущаго года за №№ 5052 и 5983^а.

Справка: По распоряженію о. Ректора Академіи всѣмъ означеннымъ лицамъ сообщено было о состоявшихся относительно ихъ распоряженіяхъ Высшаго Начальства.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Вѣдомость о. Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками лекціяхъ въ Декабрь мѣсяцъ минувшаго года, изъ коей видно, что а) экстра-ординарный профессоръ И. Н. Кореунскій, и. д. доцента И. В. Поповъ опустили по 1 лекціи, доценты: А. П. Шостыпъ, А. И. Введенскій и и. д. доцентовъ: П. И. Соколовъ, С. С. Глаголевъ и А. А. Спасскій — по 2 лекціи по болѣзни; б) Экстра-ординарный профессоръ А. Д. Вѣляевъ опустилъ 4 лекціи — вслѣдствіе нахождения въ отпуску. Кроме того вовсе не были читаны лекціи по вѣдѣнымъ каеодрамъ нравственнаго богословія (на IV курсѣ) и Священнаго Писанія Вѣтхаго Заветъа (на II курсѣ).

Опредѣлили: Вѣдомость напечатать вмѣстѣ съ журналами Совѣта Академіи.

VII. Предложеніе о Ректора Академіи архимандрита Антонія: „Честь имѣю предложить совѣту академіи войти въ обсужденіе вопроса о замѣщеніи вакантной въ настоящее время каедры Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта“.

Опредѣлили: Пригласить на вакантную каедру Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта окончившаго курсъ въ Московской Академіи въ 1890 году со степенью кандидата богословія и оставленнаго въ томъ же году при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каедръ, нынѣ преподавателя Рязанской духовной семинаріи В. Н. Мышцына и, въ случаѣ его согласія занять означенную каедру, а равно и неимѣнія препятствій къ этому со стороны семинарскаго правленія, вести въ свое время дѣло установленнымъ порядкомъ“.

VIII. Сообщенія Правленія Академіи о томъ, что на тысячу рублей наличныхъ денегъ, присланныхъ Преосвященнымъ Подольскимъ и Брацлавскимъ, купленъ одинъ 4% билетъ 4-го внутренняго займа за № 866781—90 въ 1000 рублей.

Справка: 1) Тысяча рублей прислана Преосвященнымъ Димитріемъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ сего капитала чрезъ два года выдавались въ поощреніе студентамъ за лучшія кандидатскія сочиненія преимущественно по описанію жизни и дѣятельности въ Божѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви въ видахъ пополненія свѣдѣній о русской церкви. 2) Совѣтомъ Академіи въ собраніи отъ 14 Декабря минувшаго года между прочимъ постановлено было: предложить Правленію Академіи купить процентныхъ бумагъ на тысячу рублей, присланныхъ Преосвященнымъ Подольскимъ Димитріемъ, и составить въ ближайшее будущее собраніе Совѣта проэктъ положенія о преміи имени Преосвященнаго, представить этотъ проэктъ установленнымъ порядкомъ на благоусмотрѣніе и утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Составить проэктъ положенія о преміи имени Преосвященнаго Димитрія, Епископа Подольскаго и Брацлавскаго.

IX. Занимались составленіемъ проэкта положенія о преміи имени Преосвященнаго Димитрія:

„1) При Московской Духовной Академіи учреждается премія имени Преосвященнаго Димитрія, Епископа Подольскаго и Брацлавскаго, въ количествѣ 76 рублей изъ процентовъ за два года съ капитала, поступившаго отъ Преосвященнаго Димитрія и заключающагося въ одномъ 4% билетѣ четвертаго внутренняго займа въ 1000 рублей за № 866781—90.“

2) Премія выдается черезъ два года поусмотрѣнію Совѣта Академіи одному изъ студентовъ за лучшее кандидатское сочиненіе преимущественно по описанію жизни и дѣятельности въ Бозѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви.

3) Въ случаѣ неприсужденія преміи въ очередномъ году, она присуждается въ слѣдующемъ году, а излишніе проценты присоединяются къ капиталу.

4) На сумму, составившуюся изъ остатковъ процентовъ, съ теченіемъ времени пріобрѣтаются процентныя бумаги, которыя присоединяются къ капиталу.

Опредѣлили: 1) Благопочтительнѣйше просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Московской Духовной Академіи преміи имени Преосвященнаго Дмитрія Епископа Подольска и Брацлавскаго за лучшія кандидатскія сочиненія преимущественно по описанію жизни и дѣятельности въ Бозѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви на проценты съ капитала въ количествѣ 1000 рублей, пожертвованнаго Преосвященнымъ Дмитріемъ.

2) Проектъ положенія объ означенной преміи установленнымъ порядкомъ представить на благоусмотрѣніе и утверженіе Святѣйшаго Синода.

Х. Прошеніе на имя о. Ректора Академіи:

а) Экстра-ординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета Михаила Остроумова:

„Осмѣливаюсь при семъ представить въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи первый томъ своего сочиненія подъ заглавіемъ: „Введеніе въ православное церковное право“, для соисканія степени доктора церковнаго права. Покорнѣйше прошу Ваше Высокопреподобіе дать сему дѣлу дальнѣйшее движеніе“.

б) Преподавателя Харьковской духовной семинаріи, священника Николая Малиновскаго;

„Представляя сочиненіе свое подъ заглавіемъ: „Православное Догматическое Богословіе“, часть первая, на соисканіе степени магистра богословія, почтительнѣйше прошу Ваше Высокопреподобіе дать дѣлу надлежащее движеніе“.

Справка: По § 81 лит. а. п. 6 устава духовныхъ академій „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученые степени и оцѣнка ихъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Сочиненіе профессора Остроумова передать

для разсмотрѣнія доценту по кафедрѣ церковнаго права П. А. Заозерскому, а сочиненіе Священника Николая Малиновскаго экстра-ординарному профессору по кафедрѣ догматическаго богословія А. Д. Бѣляеву.

XI. Прошеніе Священника Благовѣщенской, что на Бережкахъ, церкви Іоанна Святославскаго:

„Окончивши курсъ въ Казанской Духовной Академіи въ маѣ мѣсяцѣ 1893 года съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ получить степень кандидата богословія по выдержаніи одного устнаго испытанія по догматическому богословію, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи позволить мнѣ держать устное испытаніе въ Московской Академіи, въ виду того, что по близости Сергіевскаго посада къ Москвѣ я нахожу для себя болѣе удобнымъ держать экзаменъ въ Московской Академіи, не оставляя своего прихода на продолжительное время,—нежели въ Казанской; при чемъ присоединяю разрѣшеніе отъ Казанской Духовной Академіи держать устное испытаніе по догматическому богословію въ другихъ Академіяхъ“.

Справка: Изъ приложеннаго при прошеніи отношенія Совѣта Казанской Духовной Академіи на имя Священника І. Святославскаго видно, что препятствій къ сдачѣ Святославскимъ дополнительнаго испытанія по догматическому богословію въ какой либо другой академіи со стороны Совѣта означенной Академіи не имѣется.

Опредѣлили: Дозволить Священнику Святославскому сдать устное испытаніе по догматическому богословію вмѣстѣ съ студентами 4-го курса Московской Академіи и о результатахъ увѣдомить Совѣтъ Казанской Духовной Академіи.

XII. Записки профессоровъ Академіи: А. П. Лебедева, П. И. Цвѣткова, П. И. Казанскаго, Г. А. Воскресенскаго, П. И. Корсунскаго, І. А. Татарскаго, А. Д. Бѣляева, доцента А. П. Голубцова, и д. доцентовъ: А. А. Спасекаго и И. В. Попова о выискѣ книгъ, которыя они считаютъ нужнымъ приобрѣсти для академической библіотеки.

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Академіи П. А. Колосову выписать для академической библіотеки, по справкѣ съ ея наличностью, означенныя въ запискахъ книги и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XIII. Прошеніе ординарнаго профессора П. И. Цвѣткова:

„Имѣя нужду при работахъ по исторіи Владимірской епархіи въ нѣкоторыхъ документахъ, хранящихся въ архивѣ Троице-Сергіевой Лавры, именно: а) въ сборникѣ грамотъ жалованныхъ и

другихъ по Переяславль-Залѣскому уѣзду (№ 530); б) въ переписныхъ книгахъ 1627—1631 годовъ потому же уѣзду (№ 625) и в) въ переписныхъ книгахъ 1678 года по тому же уѣзду (№ 591), прошу Совѣтъ Академіи обратиться съ ходатайствомъ въ Учрежденный Соборъ Лавры о выдачѣ мнѣ означенныхъ документовъ срокомъ на одинъ мѣсяць“.

Опредѣлили: Просить Учрежденный Соборъ Троице-Сергіевой Лавры о высылкѣ на мѣсячный срокъ означенныхъ въ прошениіи профессора П. И. Цвѣткова документовъ.

XIV. Отношеніе Донскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества отъ 29 Декабря 1893 г. за № 66.

„Донской Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, согласно постановленію своему 29 Ноября сего 1893 года журн. ст. 13 п. 10 № 48, почтительнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи оказать свое высокопросвѣщенное содѣйствіе бесплатной высылкѣ въ Комитетъ издающагося при Академіи журнала „Богословскій Вѣстникъ“ въ 1894 году для образованія спеціальной миссіонерской бібліотеки для будущей миссіонерской школы“.

Опредѣлили: Выслать въ Донской Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества „Богословскій Вѣстникъ“ за 1894 годъ.

XV. Отношенія Гг. Директоровъ — Императорской Публичной Библіотеки отъ 15 Декабря 1893 г. за № 1575 и Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ отъ 20 Декабря 1893 г., 4 и 21 Января 1894 г. за № 568, 5 и 71, Учрежденнаго Собора Троице-Сергіевой Лавры отъ 20 Декабря 1893 г. и 24 января 1894 г. за №№ 1186 и 100, Правленій духовныхъ семинарій: Астраханской отъ 7 Декабря и Нижегородской отъ 20 Декабря 1893 г. за № 371 и 820 и намѣстника первокласснаго Хутынскаго монастыря Новгородской епархіи отъ 15 Декабря 1893 г. за № 125,—при коихъ препровождены различныя рукописи и книги.

Справка: Присланныя рукописи и книги переданы для научныхъ занятій: ординарнымъ профессорамъ А. П. Лебедеву, П. И. Цвѣткову, экстра-ординарному профессору Г. А. Воскресенскому и студентамъ 4-го курса: М. Сменцовскому, Ю. Тиховскому, А. Бѣляеву и А. Протопопову.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVI. Отношенія Совѣтовъ: Кіевской Духовной Академіи отъ 29 Декабря 1893 г. за № 993 и Императорскаго С.-Петербург-

скаго Университета отъ 18 января текущаго года за № 65, при коихъ препровождены различныя книги для академической библіотеки.

Опредѣлили: Присланныя книги сдать въ фундаментальную академическую библіотеку и благодарить за пожертвованія ихъ.

XVII. Донесеніе комиссіи, состоящей изъ ординарнаго профессора Академіи А. П. Лебедева и экстра-ординарныхъ профессоровъ: А. П. Смирнова и В. А. Соколова:

„Вслѣдствіе возложеннаго на насъ Совѣтомъ Академіи порученія принимать въ установленные сроки семестровыя сочиненія студентовъ Академіи I, II и III курсовъ, имѣемъ честь донести слѣдующее:

Большинство студентовъ Академіи I, II, и III курсовъ представило намъ второе семестровое сочиненіе за текущій учебный годъ въ назначенный для того день. Не исполнившіе же указанной обязанности, студенты поименованныхъ курсовъ представили намъ письменныя объясненія съ указаніемъ причинъ неисполненія ими своей обязанности.

„Въ нарочитомъ засѣданіи разсмотрѣвъ эти объясненія, мы нашли 1) объясненія студентовъ: 1-го курса: Григорія Боинна, Николая Вознесенскаго, Сергѣя Горскаго, Михаила Краснова, Петра Соболева, II курса: Дмитрія Мучкапскаго, іеродіакона Протасія, Василія Рыбинскаго, Дмитрія Судинцына, III курса: Ивана Виноградова, Михаила Граціанскаго и Константина Попова—заслуживающими уваженія; 2) объясненія же студентовъ: 1-го курса: Николая Березовскаго, Ивана Борнеоглѣбскаго, Николая Вылегжанина, Михаила Кобринна, Григорія Крестича, Милана Петровича, Сергѣя Подобѣдова, Михаила Поповича, Николая Рубина, Сергѣя Смирнова 5-го, Егора Филицына, Светозара Радовановича, II курса: Михаила Дрозда, Матвѣя Запольскаго, Василія Кириллова, Дмитрія Лебедева, Николая Лихачева, Христофора Падеждина, Виктора Печасва, Федора Никифорова, Борнеа Плесскаго, Михаила Рудлева, Алексея Соломина, Владиміра Тимошеева, Александра Успенскаго, III курса: Михаила Смирнова, Іордана Видойковича, Аполлинарія Савидскаго и Кронида Смирнова—не заслуживающими уваженія.

Опредѣлили: Студентовъ, означенныхъ во 2-мъ пунктѣ, при составленіи списка послѣ годичныхъ испытаній, понизить на три номера. Прочее принять къ свѣдѣнію.

XVIII. Разсуждали о назначеніи: 1) двухъ премій покойнаго

Митрополита Литовскаго Іосифа въ 165 р. и протоіерея Невоструева въ 158 р.—за лучшія кандидатскія сочиненія; 2) двухъ премій по 100 рублей каждая, изъ процентовъ съ капитала покойнаго митрополита Московскаго Макарія—за лучшія сочиненія студентовъ Академіи, написанныя ими въ теченіе первыхъ трехъ курсовъ и 3) одной премии въ 32 р.—за лучшіе успѣхи въ сочиненіи проповѣдей—изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго протоіереемъ Орловымъ.

Справка: 1) Положенія о преміяхъ покойнаго Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Макарія п. п. 7 и 8: „третья и четвертая преміи (по 100 р.) назначаются по переходѣ студентовъ на IV-й курсъ въ одно изъ засѣданій сентябрьской трети тѣмъ изъ нихъ, которыми поданы были все семестровыя сочиненія, написанныя ими въ теченіи первыхъ трехъ курсовъ, и изъ нихъ болѣе половины означены балломъ 5 и нѣтъ ни одного, имѣющаго баллъ менѣе 4. Деньги могутъ быть выданы имъ по ихъ желанію или тотчасъ, или по окончаніи курса. Въ случаѣ, если окажется болѣе двухъ студентовъ одного курса, которыхъ сочиненія удовлетворяютъ изложеннымъ въ предыдущемъ § условіямъ, преимущество отдается тѣмъ, у которыхъ сумма балловъ на сочиненіяхъ больше; въ случаѣ-же равенства преимущество отдается за сочиненія позднѣйшихъ курсовъ предпочтительно предъ предшествующими“. 2) На соисканіе преміи Митрополита Литовскаго Іосифа и протоіерея Невоструева представлено было 5 сочиненій студентовъ бывшаго IV курса, признанныхъ отлично хорошими: Ильи Громогласова, Константина Сильченкова, Михаила Свѣтлаева, Василя Ремезова и Павла Тихомирова. Для обсужденія сравнительнаго достоинства представленныхъ сочиненій прочитаны были отзывы о нихъ и, по мѣрѣ надобности, разсмотрѣны самыя сочиненія. 3) Лучшія сочиненія за первые три курса представили слѣдующіе студенты настоящаго IV курса: Леонидъ Соколовъ (5. 5. 5. 5—5. 5. 5. 5— и 5), Иванъ Романовъ (5. 5. 5. 5+5.—5.—5.—5 и 5—), Николай Лебедевъ (5. 5—5. 5. 5.—5.—5.—5.— и 4½), Владиміръ Ильинскій (4½. 5. 4½. 5.—5.—5.—5.— и 4½) и Михайлъ Сменцовскій (5.—5.—4½. 5.—4½. 5.— и 5). 4) Лучшія проповѣди въ теченіе четырехгодичнаго курса представлены слѣдующими студентами бывшаго четвертаго курса: Ильей Громогласовымъ, Константиномъ Сильченковымъ, Сергѣемъ Глаголевскимъ, Сергѣемъ Казанскимъ и Владиміромъ Троицкимъ. 5) По § 81 лит. б. п. 12 устава духовныхъ

академіи присужденіе премій за ученые труды на предложенныя отъ академіи задачи значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

О п р е д ѣ л и л и: 1) Премию покойнаго Митрополита Литовскаго Іосифа назначить студенту бывшаго IV курса Ильѣ Громогласову, премию протоіерея Невоструева—студенту того-же курса Константину Сильченкову. 2) Преміи по 100 руб. каждая, покойнаго Митрополита Московскаго Макарія назначить студентамъ настоящаго IV курса Леониду Соколову и Ивану Романову. 3) Премию за лучшіе успѣхи въ сочиненіи проповѣдей назначить студенту бывшаго IV курса Сергѣю Глаголевскому. 4) Постановленіе сіе благопочтительнѣйше представить на Архипасторское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XIX. С л у ш а л и: а) Докладъ Секретаря Совѣта и Правленія Академіи М. К. Казанскаго.

„По смѣтѣ доходовъ и расходовъ по содержанію Академіи въ миувшемъ 1893 году ассигновано: а) 500 руб. на выдачу премій за лучшія сочиненія наставниковъ академіи и 300 руб. за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи изъ процентовъ съ капитала покойнаго Митрополита Московскаго Макарія и б) 201 р. на выдачу преміи за лучшіе печатные труды по Священному Писанію наставниковъ и воспитанниковъ академіи изъ процентовъ съ капитала покойнаго Епископа Курскаго Михаила. Всѣ эти деньги значатся въ числѣ остаточныхъ суммъ по содержанію академіи въ миувшемъ году. Честь имѣю доложить о семъ Совѣту Академіи“.

б) Отзывъ о Ректора Академіи о сочиненіи доцента А. И. Введенскаго: „Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи“.

„Означенный трудъ представляетъ собою результатъ изученія авторомъ заграничной философіи не только по книгамъ, но и чрезъ слушаніе преподававшихся въ 1891-мъ году курсовъ въ Берлинѣ и Парижѣ. Послѣднимъ обстоятельствомъ обусловливается двойной интересъ книги, описывающей какъ содержаніе философскихъ курсовъ, такъ и отношеніе къ нимъ слушателей и общества и такимъ образомъ раскрывающей различныя направленія современной мысли въ ихъ взаимной связи съ жизнью запада. Въ этомъ отношеніи книга А. И. Введенскаго, занимающая собою свыше 30 печатныхъ листовъ, является для просвѣщеннѣйшихъ русскихъ читателей богатымъ дополненіемъ для ихъ знакомства съ нрав-

ственной жизнью Европы по болѣе доступной книгѣ того-же автора, вышедшей въ этомъ же году подъ заглавіемъ: „Русскіе идеалы и западная дѣйствительность“.— Въ разбираемомъ сочиненіи авторъ изложилъ и критически разсмотрѣлъ полныя системы 4-хъ германскихъ и трехъ французскихъ мыслителей и сверхъ того отмѣтилъ характеристическія черты едва-ли не всѣхъ сколько нибудь выдающихся представителей философскихъ кафедръ. Главныя достоинства изложенія А. П. Введенскаго заключаются во первыхъ въ талаптливой систематизаціи ученій, во вторыхъ—въ умѣннѣ поставить ихъ во взаимную связь и показать, что даетъ каждый мыслитель для разрѣшенія вопросовъ, наиболѣ сопряженныхъ съ религіей и моралью. Такимъ образомъ нашъ авторъ является не пассивнымъ излагателемъ конспектовъ, а критикомъ и систематикомъ. Полнота содержанія, глубина мысли, ясность и жизненность изложенія дѣлають трудъ автора замѣтнымъ вкладомъ въ русскую философскую литературу, въ виду чего имѣю честь представить его Совѣту Академіи къ увѣнчанію преміей покойнаго Митрополита Московскаго Макарія“.

б) Представленіе ординарнаго профессора академіи А. П. Лебедева сочиненія экстра-ординарнаго профессора В. О. Кипарисова: „Митрополитъ московскій Макарій, какъ проповѣдникъ“ (стр. 1—229), Сергіевъ посадъ. 1893, на премію имени того же митрополита Макарія:

„Сообразно принятымъ правиламъ, которыми требуется краткій отзывъ о представляемомъ на премію сочиненіи, относительно достоинствъ сочиненія ограничусь слѣдующими замѣчаніями:

1) Авторъ, если не ошибаюсь, изучилъ все, что прямо или косвенно относилось къ вопросу о проповѣдничествѣ покойнаго митрополита Макарія, какъ то: письма его и къ нему, воспоминанія о немъ, матеріалы, характеризующіе то время, въ какое жилъ и дѣйствовалъ этотъ пастыреначальникъ. Въ собираніи свѣдѣній о митрополитѣ Макаріи, какъ проповѣдникѣ, авторъ обнаруживаетъ рѣдкое усердіе: не удовлетворяясь печатнымъ матеріаломъ, онъ ради полноты знакомства съ дѣломъ, входилъ въ письменныя сношенія съ госпожей Булгаковой, женой покойнаго брата митрополита Макарія, и только предсмертная болѣзнь г-жи Булгаковой разстроила планы г. Кипарисова (стр. 11—12).

2) Я нахожу, что сочиненіе автора послужитъ въ будущемъ очень цѣннымъ пособіемъ для составителя полной біографіи покойнаго московскаго святителя—каковая біографія очень жела-

тельна—говорю: цѣннымъ пособіемъ, ибо едва ли даже очень усердный біографъ указаннаго пастыреначальника возьмется прослѣдить за всѣми деталями проповѣднической дѣятельности этого лица какъ сдѣлалъ г. Кипарисовъ.

3) Такъ какъ авторъ, изучая свое дѣло, руководствовался методомъ историко-критическимъ и отчасти сравнительнымъ, то ему пришлось много изучать—ради его специальной цѣли—другихъ извѣстнѣйшихъ русскихъ проповѣдниковъ прежняго времени, на прим. Иннокентія архіепископа Херсонскаго, что отчасти вело къ необходимости изучать и то, что говорилось объ Иннокентіи, какъ проповѣдникѣ, въ литературѣ.—Авторъ не оставилъ безъ вниманія и древнюю святоотеческую литературу, справедливо отыскивая здѣсь надежное руководство и критерій для правильности собственныхъ сужденій. И что особенно хорошо,—онъ извлекаетъ отсюда такія изреченія и тирады, которыя оставляли безъ вниманія другіе изслѣдователи по гомилетикѣ.

4) Кто тщательно прочтетъ разсматриваемое сочиненіе г. Кипарисова, тотъ замѣтитъ, что оно обилуетъ многочисленными и нерѣдко обширными примѣчаніями, напечатанными мелкимъ шрифтомъ,—примѣчаніями, которыя безъ всякаго труда, почти механически, можно было бы внести въ текстъ и тѣмъ увеличить объемъ книги въ полтора раза, но онъ этого не сдѣлалъ,—и подобное стремленіе автора къ сжатости рѣчи нельзя не поставить ему въ заслугу въ нашъ вѣкъ, страдающій ширококѣшательностію въ сочиненіяхъ.

Полагаю, что сочиненіе В. Θ. Кипарисова о митрополитѣ Макаріи заслуживаетъ преміи уже по тому одному, что оно имѣетъ темой то самое лицо, щедротами котораго создалась и самая премія. Преміруя трудъ нашего автора, Академія тѣмъ самымъ выразитъ свои благодарныя чувства къ основателю преміи, имя котораго — увѣренъ — дорого для всего учебнаго богословскаго міра“.

Справка: 1) § 9 утвержденаго Святѣйшимъ Синодомъ положенія о преміяхъ покойнаго митрополита Московскаго Макарія: „Ежегодно въ январскомъ засѣданіи совѣта каждый членъ совѣта можетъ предложить, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ наставниками Московской Духовной Академіи въ прошедшемъ году онъ считаетъ заслуживающимъ преміи, при чемъ онъ долженъ представить письменное указаніе главнѣйшихъ достоинствъ сочиненія“. 2) Того же положенія § 11: „Въ томъ же засѣданіи Со-

вѣта рѣшается вопросъ, какія изъ сочиненій, за которыя въ прошедшемъ году авторы ихъ удостоены въ Московской Духовной Академіи степени магистра, могутъ, сообразно съ изложенными въ 4 и 5 §§ условіями, быть допущены къ соисканію преміи“. 3) Въ 1893 году степени магистра богословія удостоены были совѣтомъ Академіи и утверждены въ сей степени Святѣйшимъ Синодомъ слѣдующія лица: преподаватель Виоанской духовной семинаріи Николай Виноградовъ, преподаватель Таврической духовной семинаріи, священникъ Николай Ильинскій, преподаватель Звенигородскаго духовнаго училища Николай Поповъ, инспекторъ классовъ Тульского епархіальнаго женскаго училища священникъ Дмитрій Глаголевъ и преподаватель Бирюченскаго духовнаго училища Дмитрій Паумовъ. 4) § 10 утвержденного Святѣйшимъ Синодомъ положенія о преміи покойнаго епископа Курскаго Михаила: „Если въ какомъ нибудь году не будетъ предложено сочиненій на соисканіе преміи, то премія отлагается до слѣдующаго года“. 5) Въ текущемъ году сочиненій на соисканіе означенной преміи не предложено.

Опредѣлили: 1) Представленные на соисканіе преміи покойнаго Митрополита Московскаго Макарія сочиненія профессора Кипарисова и доцента Введенскаго имѣть въ виду при назначеніи преміи въ мартовскомъ собраніи Совѣта Академіи. 2) Право на соисканіе премій за магистерскія сочиненія признать за священниками: Н. Ильинскимъ и Д. Глаголевымъ, Н. Виноградовымъ, Н. Поповымъ и Д. Паумовымъ. 3) Премію Епископа Курскаго Михаила отложить до слѣдующаго года.

XX. Прошенія кандидатовъ Академіи: Алексѣя Целебровскаго, Алексѣя Волкова, Вячеслава Цвѣткова, Николая Недумова и Алексѣя Торопова о выдачѣ имъ на трехмѣсячный срокъ кандидатскихъ сочиненій.

Опредѣлили: Выдать просителямъ ихъ кандидатскія сочиненія на испрашиваемый срокъ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: <Февр. 11. По статьѣ девятой заготовить представленіе, съ приложеніемъ проекта.

„По статьѣ четырнадцатой, прислать мнѣ справку, сколько экземпляровъ разсылается бесплатно.

„По статьѣ семнадцатой объясненія студентовъ показать мнѣ „Прочее къ исполненію“.

21 февраля 1894 года.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, и. д. Инспектора Іеромонахъ Сергій и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ Н. И. Субботина и Е. Е. Голубинскаго, не присутствовавшихъ по болѣзни, и П. И. Горскаго, А. П. Смирнова и И. Н. Корсунскаго—по домашнимъ обстоятельствамъ.

Слушали: 1 а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Февр. 2. Въ совѣтъ академіи“ указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 31 января текущаго года за № 437: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 13 сего января за № 22, журналъ Учебнаго Комитета, № 11, съ заключеніемъ Комитета по прошенію сербскаго подданнаго Николая Вукотича, уволившагося въ 1890 году, по болѣзни, съ III курса Кіевской Духовной Академіи, о разрѣшеніи ему поступить въ число студентовъ IV курса Московской Духовной Академіи. Приказали: Принимая во вниманіе, что, по силѣ Синодальнаго постановленія $\frac{11 \text{ марта}}{9 \text{ апрѣля}}$ 1869 г. начальства всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній поступающимъ въ сіи заведенія иностранцамъ должны оказывать возможное снисхожденіе, какъ на пріемныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, такъ и во время прохожденія наукъ, не стѣсняясь требованіями уставовъ тѣхъ заведеній, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской Духовной Академіи допустить бывшаго студента III курса Кіевской Академіи серба Николая Вукотича къ слушанію лекцій въ IV курсѣ, съ примѣненіемъ къ нему указанныхъ въ упомянутомъ Синодальномъ постановленіи льготъ, но безъ предоставленія ему по окончаніи курса правъ духовно-учебной службы въ предѣлахъ Россійской Имперіи и ученой академической степени, для полученія которыхъ онъ долженъ сдать испытаніе по всѣмъ предметамъ академическаго курса, на основаніи устава; о чемъ для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Февр. 17. Въ совѣтъ академіи“ указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 15 февраля за № 678: „По указу Его Императорскаго Вели-

чества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 5 сего февраля за № 90, журналъ Учебнаго Комитета, № 35, съ заключеніемъ Комитета, по представленію Вашего Преосвященства о разрѣшеніи Совѣту Московскоѣ Духовноѣ Академіи принять въ число академическихъ студентовъ I курса воспитанника Бѣлградскоѣ духовноѣ семинаріи сербскаго уроженца Милана Петровича, обнаружившаго на приѣмномъ испытаніи въ Академіи не вполне достаточныя познанія по предметамъ семинарскаго курса, съ назначеніемъ Петровичу стипендіи изъ суммъ Святѣйшаго Синода. Приказали: Принимая во вниманіе, что не вполне удовлетворительныя познанія Петровича въ предметахъ семинарскаго курса могли зависѣть отъ недостаточнаго знанія имъ русскаго языка и могутъ быть восполнены въ теченіе академическаго курса и въ виду требованій Синодальнаго постановленія ^{11 марта} _{9 апрѣля} 1869 г., Святѣйшій Синодъ, согласно представленію Вашего Преосвященства и заключенію Хозяйственнаго Управленія и Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московскоѣ Духовноѣ Академіи принять сербскаго уроженца Милана Петровича въ число академическихъ студентовъ I курса, съ назначеніемъ на его содержаніе въ академіи стипендіи изъ духовно-учебнаго капитала по двѣсти двадцати рублей въ годъ, со времени поступленія его въ академію, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ 5000 р., ассигнованныхъ по Отд. I § 2 смѣты расходовъ спеціальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода на 1894 годъ, съ тѣмъ однако, чтобы Петровичъ, по окончаніи полнаго академическаго курса, если пожелаетъ получить ученую академическую степень или званіе дѣйствительнаго студента, выдержалъ установленное испытаніе изъ предметовъ академическаго курса и представилъ диссертацию на общихъ основаніяхъ со всѣми воспитанниками православныхъ духовныхъ академій; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Указы Святѣйшаго Синода принять къ исполненію.

II. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ Совѣта Академіи отъ 28 января текущаго года: „Февр. 11. По статьѣ девятой заготовить представленіе, съ приложеніемъ проэкта.

По статьѣ четырнадцатой прислать мнѣ справку, сколько экземпляровъ разсылается бесплатно.

По статьѣ семнадцатой объясненія студентовъ показать мнѣ. Прочее къ исполненію“.

Справка: 1) Въ ст. VII означеннаго журнала было изложено слѣдующее опредѣленіе Совѣта Академіи: „пригласить на вакантную кафедру Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта окончившаго курсъ въ Московской Академіи въ 1890 г. со степенью кандидата богословія и оставленнаго въ томъ же году при академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ кафедръ, нынѣ преподавателя Рязанской Духовной Семинаріи Василія Н. Мышцына и, въ случаѣ его согласія занять означенную кафедру, а равно и неимѣнія препятствій къ этому со стороны семинарскаго правленія, вести въ свое время дѣло установленнымъ порядкомъ“. 2) Отношеніемъ отъ 12 Февраля сего года за № 116 Правленіе Рязанской Семинаріи увѣдомило Совѣтъ Академіи, то В. Н. Мышцынъ согласенъ занять вакантную кафедру Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта и что препятствій къ этому со стороны семинарскаго правленія не встрѣчается. 3) По § 50 устава духовныхъ академій: „Ищущіе званія доцента, но неизвѣстные Совѣту своими преподавательскими способностями, должны прочесть публично, въ присутствіи Совѣта, двѣ лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію Совѣта“. 4) Въ ст. IX того же журнала Совѣтъ Академіи благопочтительнѣйше просилъ ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Московской Духовной Академіи преміи имени Преосвященнаго Димитрія, епископа Подольскаго, за лучшія кандидатскія сочиненія преимущественно по описанію жизни и дѣятельности въ Божь почившихъ іерарховъ отечественной церкви. 5) Въ ст. XIV было изложено опредѣленіе Совѣта о бесплатной высылкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1894 годъ въ Донскій Комитетъ православнаго миссіонерскаго общества. 6) Изъ донесенія редактора „Богословскаго Вѣстника“, экстраординарнаго профессора В. А. Соколова видно, что академическій журналъ въ текущемъ году раздается и рассылается бесплатно въ количествѣ 111 экземпляровъ. Эта общая цифра распределяется слѣдующимъ образомъ: почетнымъ членамъ Московской Духовной Академіи—41 экземпляръ; начальствующимъ, профессорамъ, преподавателямъ и должностнымъ лицамъ академіи—43 экземпляра; нѣкоторымъ высокопоставленнымъ духовнымъ лицамъ—6 экземпляровъ; таковымъ же лицамъ свѣтскимъ—10 экз.; бібліотекамъ, читальнямъ, архивамъ и др.—11 экземпляровъ. 7). По ст. XVII

требуется представить Его Высокопреосвященству письменныя объясненія студентовъ Академіи, не подавшихъ своевременно втораго семестроваго сочиненія. 8) Въ ст. XIII. было изложено ходатайство Совѣта Академіи предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи выдать слѣдующія прѣміи: а) одну митрополита Литовскаго Іосифа, въ 165 руб., окончившему курсъ въ минувшемъ учебномъ году кандидату Ильѣ Громогласову; б) одну — протоіерея Невоструева въ 158 руб., окончившему курсъ въ томъ же году кандидату Константину Сильченкоу; в) двѣ прѣміи покойнаго митрополита Московскаго Макарія, по 100 рублей каждая, студентамъ настоящаго четвертаго курса Леониду Соколову и Ивану Романову и г) одну прѣмію протоіерея Орлова въ 32 р., окончившему курсъ въ минувшемъ учебномъ году кандидату Сергѣю Глаголевекому.

Опредѣлили: 1) Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ исполненію. 2) Допустить кандидата В.Н.Мышцына къ чтенію пробныхъ лекцій по вакантной кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, при чемъ срокомъ для чтенія лекцій назначить 10-е и 11-е число мѣсяца марта, о чемъ и дать знать В. Н. Мышцыну. 3) О выдачѣ прѣмій сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

III. Отношеніе Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго отъ 4-го Февраля за № 29: „По окончаніи въ 1850 г. образованія въ Московской Духовной Академіи, я, свыше сорока лѣтъ проходя разныя церковныя служенія и учебно-административныя должности (въ томъ числѣ должность ректора и профессора въ Московской Академіи), а также состоя членомъ многихъ ученыхъ обществъ, — имѣлъ возможность составить очень значительную бібліотеку, состоящую изъ книгъ и частію рукописей разнаго, преимущественно богословскаго и церковно-историческаго содержанія. Собранными такимъ образомъ сокровищами я пользовался до сего времени при своихъ учено-литературныхъ трудахъ. Нынѣ же, по преклонности лѣтъ и при оскудѣвающихъ силахъ, я не въ состояніи болѣе продолжать ученныя занятія и потому не могу уже пользоваться поминутыми книжными сокровищами. Но чтобы эти сокровища не оставались безъ полезнаго и цѣлесообразнаго употребленія, я заблагодарасудилъ лучшія и наиболѣе цѣнныя книги и рукописи своей бібліотеки принести въ даръ Московской Духовной Академіи въ благодарную память о моемъ воспитаніи въ этой Академіи и о начальствованіи въ оной.

Препровождая при семъ въ Совѣтъ Академіи сдѣланное мною

духовное завѣщаніе о передачѣ, послѣ моей смерти, лучшей и важнѣйшей части моей библіотеки по особому списку книгъ и рукописей, въ собственность Московской Духовпой Академіи, покорнѣйше прошу принять отъ меня этотъ посмертный даръ“.

Справка. Совѣтомъ Академіи, въ собраніи 14 декабря минувшаго года, между прочимъ постановлено было: „Имя въ виду очень высокую цѣнность дара (свыше 50.000 руб.) Высокопреосвященнѣйшаго Саввы, Архіепископа Тверскаго, академической библіотекѣ,—благодарить Его Высокопреосвященство особымъ адресомъ отъ Совѣта Академіи“.

Опредѣлили: Съ составленнымъ адресомъ отправить къ Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Саввѣ, Архіепископу Тверскому, отъ Академіи депутацию въ составѣ экстраординарныхъ профессоровъ Павла И. Горскаго-Платонова, Григорія А. Воскресенскаго и И. П. Корсунскаго.

IV. Вѣдомость о Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками лекціяхъ въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года, изъ коей видно, что и. д. доцента П. П. Соколовъ опустилъ 10 лекцій, орд. проф. М. Д. Муретовъ и доцентъ А. И. Введенскій—по 4 лекціи, э.-орд. проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, В. Ѳ. Кипарисовъ, И. П. Корсунскій—по 2 лекціи и и. д. доцента И. В. Поповъ—одну лекцію. Всѣ лекціи были пропущены по болѣзни. Кромѣ того вовсе не были читаны лекціи по вакантной каедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта (на II курсѣ).

Опредѣлили: Вѣдомость напечатать вмѣстѣ съ журналами Совѣта.

V. Отношенія Канцелярій Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 3 февраля сего года за № 655: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 27 минувшаго января, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ преподавателемъ кандидатъ Московской Духовной Академіи Дмитрій Соколовъ въ Калужское Духовное Училище (въ 1-й классъ) по русскому языку, съ окладомъ жалованья, присвоеннымъ учителямъ изъ студентовъ духовныхъ семинарій“.

б) отъ 16 февраля за № 869: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 11-го текущаго февраля, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской Духовной Академіи Василій Ремезовъ преподавателемъ по Священному Писанію въ Волынскую Духовную Семинарію“.

Къ сему Канцелярія присовокупляетъ, что объ ассигнованіи поименованнымъ лицамъ слѣдующихъ имъ, по положенію, денегъ сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ.

Справка: По распоряженію о. Ректора Академіи обоимъ означеннымъ лицамъ сообщено было о назначеніи ихъ на духовно-учебную службу.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Отношеніе Московскаго Общества любителей художествъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 31 января за № 50: „Московское Общество любителей художествъ, устраивая съ Высочайшаго соизволенія первый съѣздъ русскихъ художниковъ и любителей художествъ въ Москвѣ съ 23 по 30 апрѣля, имѣетъ честь покорѣйше просить Духовную Академію не отказать въ назначеніи на съѣздъ представителя и указать тѣ вопросы, разрѣшенія конхъ на съѣздѣ было бы, по мнѣнію Академіи, желательныо.

Опредѣлили: Предложить доценту Академіи по кафедрѣ церковной археологіи и литургики А. П. Голубцову отправиться въ Москву депутатомъ отъ Академіи на первый съѣздъ русскихъ художниковъ и любителей художествъ, имѣющей быть съ 23 по 30 апрѣля текущаго года.

VII. Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи Г. А. Воскресенскаго: „Покорѣйше прошу Совѣтъ Академіи выписать изъ бібліотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры необходимыя для моихъ ученыхъ занятій три рукописи:

№ 199 (1640) Слова похвальные, XVI в. въ 4^о, 558 л.

№ 712 (1824) Патерикъ Иечерскій 1497 г. въ 4^о, 504 л.

№ 754 (1644) Сборникъ XV в., 581 листъ, срокомъ на одинъ мѣсяць“.

Опредѣлили: Просить Учрежденный соборъ Троице-Сергіевой Лавры о высылкѣ на мѣсячный срокъ означенныхъ въ прошеніи профессора Г. А. Воскресенскаго рукописей.

VIII. Представленный доцентомъ Академіи А. И. Введенскимъ отчетъ о заграничной его командировкѣ: „Въ настоящее время, когда мною закончена обработка матеріала, подготовленнаго во время пребыванія за границей (въ 189¹/₂ уч. году), я нахожу удобнымъ и благовременнымъ, опираясь на изданныя мною книги ¹⁾, представить въ Совѣтъ Академіи „свой отчетъ о заграничной командировкѣ“. Насколько я понималъ и понимаю задачи своей „командировки“, онѣ состояли не столько въ обогащеніи свѣдѣніями

¹⁾ 1) „Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи“ (Зим-

по философіи (которыя всегда можно и иногда съ большимъ удобствомъ извлечь и изъ книгъ), сколько въ ознакомленіи съ постановкою и методами преподаванія философіи за границей, а также въ освоеніи съ тѣми идейными вѣяніями, которыя проникаютъ и направляютъ жизнь современнаго запада, и которыя представителю философской кафедры въ православной Духовной Академіи необходимо всегда имѣть въ виду. Этой стороны дѣла я и буду главнымъ образомъ касаться въ своемъ настоящемъ „отчетѣ“.

Было время и не такъ давно, когда на Францію смотрѣли, какъ на страну умственнаго и нравственнаго зачумленія, и лицамъ, отправлявшимся за границу съ научными цѣлями, не позволяли въ нее вѣзжать. Этотъ взглядъ, къ счастью, измѣнился. Въ виду этого я съ самаго начала предположилъ подѣлить свой свободный годъ на двѣ половины, изъ которыхъ одну предположилъ провести въ Германіи, а другую во Франціи, что и исполнилъ, получивъ предварительно согласіе и одобреніе своего плана отъ о. Ректора Академіи. При этомъ я исходилъ изъ той мысли, что такъ какъ задача моей поѣздки состояла главнымъ образомъ въ ознакомленіи съ постановкою дѣла въ университетѣ (а не съ лекціями тѣхъ или другихъ профессоровъ), а все германскіе университеты одного типа, то было-бы безцѣльно, прослушавъ одинъ семестръ въ Берлинскомъ университетѣ, на другой семестръ переѣзжать въ какойнибудь другой нѣмецкій же. Вотъ почему я и рѣшилъ на лѣтній семестръ переѣхать во Францію, чтобы ознакомиться съ инымъ типомъ университетской жизни и съ положеніемъ философіи во Франціи. Мнѣ не пришлось послѣ въ сдѣланномъ шагѣ раскаяваться не только потому, что только что указанное предположеніе мое оправдалось (я дѣйствительно познакомился съ другимъ типомъ университетской жизни), но также и потому, что, какъ я непосредственно и фактически убѣдился, въ умственной жизни современной Франціи, не смотря на тревожное направленіе виѣшней ея жизни за послѣднее время, все еще остается много положительныхъ элементовъ и своеобразныхъ идей и, тогда какъ философія Германіи подъ вліяніемъ протестантизма, принимаетъ все болѣе и болѣе уродливыя формы,—

вій семестръ 1891½ учебнаго года въ Берлинѣ и лѣтній—въ Сорбоннѣ и au Collège de France). Сергіевъ Посадъ, 1894. XXXIII+186+330.—2) „Западная дѣйствительность и русскіе идеалы“ (Письма изъ-за границы), съ приложеніемъ характеристики напы Льва XIII по отзывамъ современниковъ. Сергіевъ посадъ, 1894. стр. 208.

французская философія, для которой католичество долго служило оплотомъ охраненія, все еще проникнута здоровыми и возвышенными началами, вниманіе къ которымъ и для русской философіи было бы, вѣроятно, не бесполезно.

Я скажу сначала о постановкѣ преподаванія философіи въ Берлинскомъ университетѣ и потомъ перейду къ Парижскому.

I.

Въ заграничномъ университетѣ, какъ извѣстно, параллельно съ монологическимъ изложеніемъ курсовъ въ формѣ лекцій, повсюду ведутся практическія занятія профессоровъ со студентами. Педагогическіе мотивы такой постановки дѣла понятны: законъ, по которому всякое новое содержаніе мысли, чтобы сдѣлаться прочнымъ основаніемъ ума, войти въ содержаніе сознанія и удержаться въ немъ, должно быть воспринято не пассивно, но активно, должно сопровождаться самодѣтельностью, — этотъ психологическій законъ имѣетъ всеобщее значеніе: студентъ, конечно, также долженъ быть приглашаемъ къ самодѣтельности, къ активному усвоенію преподаваемого, какъ и ученикъ средней и низшей школы, хотя и не въ такой степени. Относительно философіи влѣдствіе ея сравнительной отвлеченности и трудности, это еще болѣе справедливо, чѣмъ относительно многихъ другихъ наукъ. Только самостоятельная работа мысли, проявляющаяся въ постановкѣ вопросовъ, въ сознаніи трудности той или другой проблемы и т. д. способна пробудить въ студентѣ интересы къ лекціямъ, и превратить его умъ изъ пассивнаго пріемника чужихъ мыслей въ живую, органически усваивающую, силу. Конечно, человекъ, который садится на школьную скамью, послѣ того, какъ предъ его сознаніемъ уже встали запросы, не нуждается въ этихъ искусственныхъ мѣрахъ для поддержанія интереса къ лекціямъ и ихъ усвоенія, но въ отношеніи къ студентамъ средняго уровня въ рукахъ опытнаго руководителя эти практическія занятія являются могучимъ педагогическимъ средствомъ, не говоря уже о томъ, что они въ тоже время обогащаютъ ихъ и реальными свѣдѣніями.

Это, уже заранѣе и само по себѣ понятное, значеніе практическихъ философскихъ упражненій сдѣлалось для меня особенно ощутительнымъ послѣ того, какъ я ознакомился съ ихъ умѣлою постановкою въ Берлинѣ у проф. *Паульсена*, который читалъ со студентами Шопенгауера („Міръ, какъ воля и представленіе“). Выборъ для чтенія именно Шопенгауера былъ очень удаченъ.

Паульсенъ самъ стоитъ въ сущности на шопенгауеровской точкѣ зрѣнія, и такъ какъ въ своихъ чтеніяхъ, онъ обыкновенно отправляется отъ тѣхъ трудностей, которыя вызываетъ система этого философа, то понятно, что испытывая эти трудности при чтеніи Шопенгауера, слушатели тѣмъ съ болѣе большимъ нетерпѣніемъ ждали ихъ разрѣшенія на лекціяхъ. Такимъ образомъ Шопенгауеръ являлся чѣмъ-то въ родѣ пролегоменъ къ курсу самого Паульсена. Постановка дѣла на упражненіяхъ Паульсена была не менѣе удачна, чѣмъ и выборъ автора. Обыкновенно профессоръ рекомендовалъ вниманію аудиторіи тѣ или другія главы изъ упомянутаго сочиненія и предлагалъ съ ними предварительно освоиться дома, причемъ нѣсколько человѣкъ (три-четыре) обязывались подготовиться къ изустному реферированію указанныхъ главъ, — къ ихъ связной передачѣ съ посильными критическими замѣчаніями. Какъ во время реферата, такъ и по окончаніи его профессоръ предлагалъ вопросы, и, такъ какъ при этомъ онъ обращался за помощью къ реферантамъ и къ другимъ студентамъ, то естественно, что каждый явившійся въ аудиторію, считалъ себя обязаннымъ знать, въ общихъ по крайней мѣрѣ чертахъ, текстъ данныхъ и прежде прочитанныхъ главъ Шопенгауера. Такимъ образомъ въ результатѣ получалось обстоятельное освоеніе съ однимъ изъ крупныхъ философскихъ произведеній. При этомъ самимъ профессоромъ, а иногда и студентами дѣлались историческія параллели, указывались у философа промахи, несогласованность въ его идеяхъ и намѣчалось направленіе, въ которомъ они могли бы быть устранены. Насколько заинтересовалась аудиторія этимъ занятіемъ, насколько, слѣдовательно, самодѣятельность можетъ поддерживать интересъ даже къ серьезнымъ и скучнымъ предметамъ, — это всего лучше доказывается простымъ фактомъ: практическія упражненія Паульсена продолжались *два часа безъ перерыва*, тогда какъ извѣстно, что даже даровитый ораторъ не рискуетъ задерживать аудиторію болѣе часу.

Что касается собственно *лекцій*, то въ Берлинѣ, какъ, впрочемъ, и повсюду за границей, ихъ два типа — *публичныя* (*publica*) и *спеціальныя* (*privatim*). Первые и по предмету и по способу изложенія рассчитаны на самый разнохарактерный составъ аудиторіи: предметы выбираются по возможности общеинтересные и излагаются съ устраненіемъ всякаго спеціальнаго балласта. Вторыя, напротивъ посвящаются вопросамъ болѣе или менѣе частнымъ и спеціальнымъ; но въ изложеніи и здѣсь наблюдается общее пра-

вило—не загромождаютъ лекцію спеціальными подробностями. Нарушеніе этого послѣдняго правила охлаждаетъ и даже опустошаетъ аудиторію, отъ чего не гарантированы и профессора съ самою солидною и прочною научною репутаціею. Лучшею иллюстраціею этого служило для меня отношеніе слушателей къ двумъ параллельнымъ курсамъ исторіи философіи—Целлера и Эббингауза. Целлеръ и Эббингаузъ—какая рѣзкая противоположность! И однако Эббингаузъ пользовался не только не меньшимъ, но гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ Целлеръ. Причина этого заключается въ различіи способовъ *изложенія* обоихъ курсовъ. Излагать исторію философіи, какъ и всякую другую исторію, можно двоякимъ способомъ: можно или *слушателей* вводить въ общество мыслителей, уже сошедшихъ съ исторической сцены, живущихъ своими, чуждыми намъ понятіями, говорящихъ своею архаическою рѣчью; или наоборотъ можно этихъ *послѣднихъ* вводить въ наше, современное намъ общество и заставлятъ ихъ выражать свои мысли въ нашихъ понятіяхъ и терминахъ. Перваго приѣма держался Целлеръ, который часто прерывалъ свое изложеніе философіи (особенно древней) словами самихъ философовъ, приводимыми въ греческомъ или латинскомъ подлинникѣ; второму слѣдовалъ Эббингаузъ, который давалъ своимъ слушателямъ философскія идеи уже послѣ того, какъ провелъ ихъ чрезъ свое собственное сознаніе и выразилъ все въ доступною рѣчью. Интересъ къ курсу Целлера ослабѣвалъ прямо пропорціонально представлявшейся въ немъ для слушателей трудности входить въ кругъ чуждыхъ имъ понятій и разумѣть чуждую имъ рѣчь. Все это, конечно, вполне естественно и понятно, и жаль, что почтенный профессоръ предполагалъ въ своей аудиторіи серьезности и интереса къ документальному изложенію науки больше, чѣмъ сколько она представляла. Онъ думалъ, очевидно, что студенты одушевлены все тѣми же серьезными и возвышенными стремленіями, которыми и самъ онъ жилъ, когда былъ на ихъ мѣстѣ; но *tempora mutantur* и притомъ быстро, чѣмъ мы думаемъ. Во всякомъ случаѣ судьба разсматриваемыхъ курсовъ служить краснорѣчивымъ напоминаніемъ о томъ, что обработка предмета для *печати* и для *живой аудиторіи* два совершенно различныхъ дѣла, и что характеръ лекцій всегда и въ значительной мѣрѣ долженъ опредѣляться запросами аудиторіи, если только лекторъ не хочетъ, чтобы его слова были простымъ биемъ воздуха.

Большинство профессоровъ отлично понимаетъ это и предпочи-

тасть поступаться подробностями, лишь бы имѣть возможность излагать общій полный курсъ возможно большому числу слушателей. Слѣдуетъ еще отмѣтить, какъ приемъ достойный подражанія, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ лекціи въ Берлинѣ какъ и въ Парижѣ, *говорятся*, а не читаются: для профессора, вслѣдствіе этого, каждая лекція есть какъ бы цѣлое новое событіе, которое онъ вновь переживаетъ, а не механическое чтеніе когда то написаннаго, съ чѣмъ пожалуй въ данный моментъ онъ и самъ иногда не согласенъ. Что при свободномъ изустномъ изложеніи лекціи сплошь и рядомъ оказываются стилистическія неровности (хотя и въ этомъ отношеніи есть лекторы вполне безукоризненные),—это конечно, понятно. Но ни слушатели, ни сами профессора не придаютъ этому большаго значенія, справедливо думая, что этотъ недостатокъ окупается другими преимуществами импровизаціи, — возможностью всегда держать изложеніе предмета на уровнѣ собственнаго пониманія въ данное время, вносить въ него личную убѣжденность и пр. Въ этомъ отношеніи и съ этой стороны Берлинскія философскія лекціи по всей справедливости могутъ и должны служить для понимающаго лектора образцомъ и школою.

Къ сожалѣнію нельзя того же сказать о содержаніи Берлинскихъ лекцій или, точнѣе,—объ ихъ направленіи. Я не стану входить въ подробности: въ моей книгѣ дана характеристика выслушанныхъ мною курсовъ, а нѣкоторые подробно изложены по моимъ собственнымъ записямъ. Отмѣчу лишь общее и, такъ сказать, субъективное впечатлѣніе, полученное мною отъ нихъ.

Когда я слушалъ лекціи принципіальнаго характера, онѣ всегда производили на меня впечатлѣніе чего то какъ бы роковаго. Казалось, будто надъ лекторами тяготѣетъ прошлое германской мысли со всею неотразимою силою, давить и гнететь мысль и вынуждаетъ ее отливаться въ опредѣленные, разъ установленныя формы, вращаться въ извѣстномъ, разъ признанномъ за истинный, кругу идей. Если профессоръ не хочетъ высказываться за нихъ открыто, то онъ по необходимости долженъ держаться преимущественно исторической почвы. Вотъ почему въ современной Германіи теперь въ загонѣ метафизика, требующая опредѣленныхъ взглядовъ положительнаго характера; вотъ почему такой несоразмѣрно большой процентъ курсовъ, посвященныхъ исторіи философіи. Судя по всѣмъ признакамъ Германія дѣйствительно „переживаетъ кризисъ“,—время переходное, когда, кажется, хотятъ

и не могутъ прервать съ прошлымъ. Протесты противъ этого прошлаго уже раздаются, но они слабы (см. *пятую главу* первого отдѣла нашей книги), и чѣмъ менѣе, на мой взглядъ, основаній предвѣщать имъ скорое торжество, тѣмъ настойчивѣе опредѣляется желаніе, чтобы въ нашемъ отечествѣ, въ которомъ философія только еще зарождается, не создавалось такихъ стойкихъ въ своей односторонности философскихъ традицій, отъ которыхъ, какъ показываетъ наглядный и осязательный примѣръ, при всемъ сознаніи ихъ крайностей, и при всемъ желаніи, весьма нелегко освободиться.

2.

Въ Парижѣ я посѣщаль лекціи въ Сорбоннѣ и au Collège a France. Сорбонна это тоже, что философскій факультетъ въ Берлинѣ или историко-филологическій у насъ. Но Collège de France это — совершенно своеобразное учрежденіе для чтенія высшихъ специальныхъ курсовъ по всѣмъ отраслямъ знанія, всего больше посѣщаемое преподавателями среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеній Парижа (о такъ называемомъ „*Парижскомъ университетѣ*“ см. мою книгу: „*Западная дѣйствительность и русскіе идеалы*“, стр. 103 и слѣд.)

Въ Сорбоннѣ, такъ же какъ и въ Берлинѣ, значительное вниманіе удѣляется практическимъ занятіямъ профессора со студентами. Но здѣсь, практическія упражненія — разнохарактернѣе и пожалуй систематичнѣе. Въ Берлинѣ они сводятся исключительно къ чтенію и разбору авторовъ. Здѣсь, сверхъ этого, они состоятъ еще въ составленіи письменныхъ домашнихъ работъ, — какъ положительнаго, такъ и историко-критическаго характера. Затѣмъ тогда какъ въ Берлинѣ изъ классныхъ практическихъ упражненій профессоръ обыкновенно дѣлаетъ какъ бы пролегомены къ своему курсу, здѣсь онъ связанъ въ выборѣ авторовъ для чтенія министерскою программю, которая, въ свою очередь, рассчитана, повидимому на то, чтобы ознакомить студентовъ съ твореніями такихъ философовъ, которые являются наиболѣе типичными выразителями здравыхъ общечеловѣческихъ вѣрованій и идеаловъ (Платонъ, Аристотель, Декартъ, Лейбницъ, Кантъ, Кузенъ: вотъ приблизительный составъ авторовъ, назначенныхъ для класснаго чтенія). Нельзя не замѣтить, что въ обоихъ, только что указанныхъ, отношеніяхъ преимущество остается на сторонѣ Сорбонны. Если мотивомъ практическихъ упражненій служить стремленіе

развить въ студентахъ самодѣятельность, то несомнѣнно, что эта цѣль достигается полнѣе, когда рядомъ съ чтеніемъ авторовъ, студентовъ приучаютъ къ систематическому письменному изложенію своихъ мыслей и заинтересовываютъ въ философскомъ авторствованіи. Если съ другой стороны, не смотрѣть на философію, какъ на дѣло личнаго вкуса и не думать, будто всякій воленъ имѣть философію, какую онъ хочетъ, если, говоря иначе, смотрѣть и на философію, какъ на науку съ своимъ объективнымъ и общеобязательнымъ содержаніемъ: тогда, конечно, субъективнымъ вкусамъ профессора должна быть положена извѣстная граница, и преподаваніе должно быть поставлено въ извѣстныя объективныя условія, — его личные взгляды должны въ глазахъ студентовъ являться, такъ сказать, на историческомъ фонѣ, въ освѣщеніи взглядами великихъ выразителей общечеловѣческихъ убѣжденій и ими до извѣстной степени повѣряться ¹⁾.

Въ Сорбоннѣ практическія упражненія ведутся отдѣльно для студентовъ *младшихъ курсовъ* и для *кандидатовъ*. Чѣмъ мотивировано такое обособленіе и въ чемъ состоитъ различіе между тѣми и другими, — объ этомъ, конечно, не трудно догадаться уже заранѣе. Начинаящіе *читаютъ* латинскаго или греческаго автора въ собственномъ смыслѣ этого (подчеркнутаго) слова т. е. строку за строкой, сопровождая чтеніе построчнымъ переводомъ, а французскаго изучаютъ *последовательно* по отдѣльнымъ главамъ, при чемъ задача упражненій состоитъ главнымъ образомъ въ освоеніи студентами съ философскою терминологіею и въ ориентировкѣ ихъ въ кругу общихъ и элементарныхъ философскихъ понятій, которыя и разъясняются по большей части самимъ руководителемъ чтеній, такъ что большая часть труда выпадаетъ на его долю. Точно также и при составленіи домашнихъ письменныхъ работъ студентами младшихъ курсовъ, наблюдается, чтобы задачи не превышали ихъ силы, почему даются темы преимущественно историко-критическаго характера (изложеніе такой-то главы, такого-то философа, общая оцѣнка какой нибудь новой философской книжки;

¹⁾ Говоря это, я, конечно, отнюдь не отрицаю отмѣченную мною выше (по поводу практическихъ упражненій проф. Паумсена) цѣлесообразность и пользу выбора для класснаго чтенія и изученія автора, наиболѣе выражающаго точку зрѣнія и взгляды самого преподавателя: я хочу только сказать, что однимъ этимъ авторомъ ограничиваться нельзя и необходимо уравнивать его чтеніемъ другихъ авторовъ, рядомъ съ ихъ критическою оцѣнкою.

по, конечно, иногда дѣлаются и отступленія,—особенно по лично заявленному тѣмъ или другимъ студентомъ желанію. Что касается теперь практическихъ упражненій „кандидатовъ“, то и выборъ назначаемыхъ имъ для изученія авторовъ и задачи, которыя при этомъ ставятся, и назначеніе темъ для домашнихъ письменныхъ работъ,—все это разсчитано на болѣе зрѣлыя силы. Обыкновенно каждому „кандидату“ назначается цѣлое крупное сочиненіе извѣстнаго автора (*Метафизика* Аристотеля, одна изъ *критикъ* Канта и т. д.), при чемъ онъ долженъ дать связный историко-критическій анализъ этого сочиненія и изложить его въ *монолитической* формѣ въ присутствіи товарищей и профессора. Это изложеніе иногда длится около часу и почти всегда вызываетъ оживленныя пренія, поднимаемыя кѣмъ-либо изъ товарищей и завершаемыя профессоромъ, который резюмируетъ ихъ сущность и указываетъ общіе промахи, равно какъ и направляетъ пренія во все время, пока они ведутся (практическія упражненія въ Сорбоннѣ, какъ и въ Берлинѣ, принято продолжать *два часа безъ перерыва*). Подобнымъ же образомъ и задачи домашнихъ письменныхъ работъ для „кандидатовъ“ гораздо отвѣтственнѣе, чѣмъ для начинающихъ философовъ. Ихъ сочиненія, обыкновенно (за рѣдкими исключеніями) *положительнаго* и при томъ *принципіальнаго* характера (о достовѣрности, о собственности, о природѣ матеріи и т. д.). „Кандидаты“ читаютъ свое сочиненіе съ каюедры (этой чести младшіе студенты не удостоиваются) и оппозицію встрѣчаютъ также на каюедрѣ, такъ что пренія имѣютъ характеръ и форму нашихъ диспутовъ. Степень подготовленности и освоенія съ философіею при этомъ обыкновенно проявляется для присутствующихъ со всею ясностію. Завершительнымъ моментомъ этихъ практическихъ упражненій служитъ чтеніе „пробной“ лекціи.

Какъ видно изъ моего описанія, практическія упражненія кандидатовъ Сорбонны очень напоминаютъ упраздненныя уставомъ 1884-го года практическія занятія студентовъ-кандидатовъ въ нашихъ Академіяхъ, съ тою лишь разницею, что у насъ они приурочивались къ экзаменамъ и даже, насколько знаемъ, имѣли значеніе самыхъ экзаменовъ, тогда какъ въ Сорбоннѣ центръ тяжести полагается *не только* и пожалуй *не столько* въ испытаніи, сколько въ подготовленіи студентовъ, вслѣдствіе чего такія упражненія ведутся въ теченіе цѣлаго послѣдняго семестра и имъ посвящается не менѣе двухъ недѣльныхъ часовъ. Затѣмъ у насъ, насколько помню, принято было экзаменовать каждаго кандидата

отдѣльно, чуть ли не при закрытыхъ дверяхъ, тогда какъ въ Сорбоннѣ при практическихъ упражненіяхъ присутствуютъ всѣ кандидаты одной спеціальности, что естественно содѣйствуетъ повышенію общаго уровня и расширенію ихъ знаній по философіи. Присутствуя въ заграничномъ университетѣ на этихъ практическихъ упражненіяхъ кандидатовъ, когда то имѣвшихъ мѣсто и у насъ, въ нашихъ Академіяхъ, я невольно задавался вопросомъ, не слѣдуетъ ли пожалѣть объ ихъ отбѣнѣ у насъ и, въ виду общепризнанной и ощутимой ихъ пользы для французскихъ студентовъ, рѣшалъ этотъ вопросъ утвердительно. Но, конечно, относительно нашихъ Академій, это рѣшеніе значительно осложняется тѣмъ, что у насъ гораздо шире чѣмъ гдѣ либо за границую, поставлено занятіе письменными работами, а студенты послѣдняго курса буквально „связаны“ своими „кандидатскими“. Тутъ возникаютъ соображенія, — не уравновѣшивается ли польза, приносимая „практическими упражненіями“ французскимъ студентамъ, писаніемъ нашими студентами своихъ кандидатскихъ, насколько совмѣстимы съ ними эти „практическія упражненія“ и т. д. Однако, все это очень сложные вопросы, которыхъ я не вахожу удобнымъ касаться въ данномъ случаѣ.

Что касается теперь собственно лекцій въ Сорбоннѣ, то ихъ постановка въ общемъ та же, что и въ Берлинѣ: то же дѣленіе лекцій на публичныя и спеціальныя, тоже стремленіе даже и на послѣднихъ избѣгать утомительныхъ подробностей и частныхъ, то же обыкновеніе излагать ихъ свободно, а не по тетрадкѣ и т. д. Разница развѣ лишь въ степени: публичныя лекціи, на примѣръ, здѣсь въ собственномъ смыслѣ публичныя и открытыя, на которыя допускаются рѣшительно всѣ, — безъ всякаго исключенія. Что, кромѣ пониженія общаго уровня преподаванія (на публичныхъ лекціяхъ профессоръ невольно подпадаетъ искушенію *приспособлять* къ пониманію слушателей), такая свобода ведетъ и къ другимъ неудобствамъ, — это, конечно, понятно, такъ что является серьезнымъ вопросомъ, не перевѣшиваетъ ли возникающій отсюда вредъ тѣмъ благія послѣдствія, на которыя публичныя лекціи рассчитаны. Но если, такимъ образомъ, въ постановкѣ философскихъ лекцій въ Сорбоннѣ съ внѣшней стороны мы должны констатировать утрировку, доведеніе принципа, признаннаго и принятаго на практикѣ и въ Германіи, до крайности, то съ внутренней стороны, со стороны направленія, интереса и жизненности своихъ философскихъ лекцій Сорбонна, по нашему мнѣнію, стоитъ

рѣшительно выше Берлина. И въ своихъ заграничныхъ „письмахъ“ и въ своемъ очеркѣ современнаго состоянія философіи во Франціи я не разъ касался этого вопроса, и здѣсь мнѣ только остается напомнить еще разъ, что слушаніе лекцій въ Сорбоннѣ служило для меня хорошимъ противовѣсомъ противъ односторонняго погруженія въ холодную сферу абстрактно пантеистической нѣмецкой философіи.

Весьма важнымъ дополненіемъ философскихъ курсовъ Сорбонны послужили для меня прослушанные Collège de France курсы *Шарля Левека* (см. „Совр. сост. фил.“ отд. 2-й, стр. 61--69) и *Нуррисона* („О душѣ“), которые излагались въ томъ же строгомъ духѣ какъ и курсы Сорбонны. Это же учрежденіе (Collège de France), съ другой стороны, дало мнѣ возможность освоиться и съ „противоположнымъ полюсомъ современной французской философіи“,—по лекціямъ отчасти *Рибо*, а главнымъ образомъ—*Лафбита* (см., отд. 2-й стр., 111—124). Вообще, насколько строгая Сорбонна знакомила меня съ *исподствующимъ* направленіемъ современной французской философіи (съ философією „университетскою“), настолько же Collège de France содѣйствовалъ освоенію съ другимъ, такъ сказать, *побочнымъ* теченіями французской мысли. Такимъ образомъ параллельныя занятія въ Сорбоннѣ и au Collège de France вводили меня въ кругъ идей не той или другой изъ современныхъ французскихъ философскихъ школъ, но ставили въ возможность освоиться со всѣми ими, что существенно помогло мнѣ ориентироваться нъ разнообразныхъ теченіяхъ мысли и самостоятельно установить ту ихъ классификаціонную схему, которая заложена въ основаніе историческаго очерка французской философіи, присоединеннаго мною къ характеристикѣ прослушанныхъ мною въ Парижѣ лекцій, ради ихъ болѣе полнаго освѣщенія.

Конечно, получивъ возможность быть за границею, я не могъ довольствоваться посѣщеніемъ лекцій и пользовался всякимъ представлявшимся мнѣ случаемъ устанавливать непосредственное знакомство съ тѣми лицами (профессорами, студентами и пр.), размѣняъ мыслей съ которыми могъ бы содѣйствовать ознакомленію съ характеромъ умственной, соціально-бытовой и религіозной жизни современнаго Запада. Это не только доставляло мнѣ матеріалъ для моихъ „Писемъ“, въ которыхъ я пытался, возможно конкретнѣе, характеризовать современную жизнь Запада, но косвенно помогало опредѣляться и моему общему направленію. Куда скло-

няются въ области философіи мои симпатіи,—это отчасти мною уже намѣчено (въ послѣднемъ „Письмѣ“, а главнымъ образомъ— во Введеніи къ моей книгѣ о западной философіи: „*О задачахъ современной философіи, въ связи съ вопросомъ о возможности и направленіи философіи самобытно-русской*“); въ дальнѣйшихъ же моихъ трудахъ, если имъ суждено будетъ увидать свѣтъ, надѣюсь, онѣ опредѣлятся еще полнѣе“.

Справка: Доцентъ А. И. Введенскій командированъ былъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, за границу съ научною цѣлью на 1891½ учебный годъ.

Опредѣлили: Отчетъ доцента А. И. Введенскаго напечатать вмѣстѣ съ журналами Совѣта.

IX. Предложеніе ординарнаго профессора Алексѣя Петровича Лебедева: „Въ виду того, что въ теченіе года слишкомъ никто изъ наставниковъ Академіи не заявилъ желанія взять на себя обработку темы, предложенной преосвященнымъ Николаемъ, епископомъ Алеутскимъ: „обстоятельная біографія покойнаго ректора Московской Духовной Академіи, протоіерея Александра Васильевича Горскаго“, честь имѣю предложить Совѣту Академіи, не найдеть ли онѣ возможнымъ включить вышеозначенную тему въ число темъ, которыя будутъ назначены въ слѣдующемъ учебномъ году въ качествѣ кандидатскихъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Взавшій эту тему студентъ IV курса для полученія преміи долженъ имѣть на сочиненіи баллъ не менѣе 4¼;

2. Премія присуждается іюньскимъ засѣданіемъ Совѣта, когда происходитъ разсмотрѣніе достоинства кандидатскихъ сочиненій студентовъ IV курса;

3. Сужденіе о томъ, заслуживаетъ ли сочиненіе преміи, поручить особой комиссіи, которая должна состоять изъ ректора Академіи, ординарнаго профессора общей церковной исторіи А. П. Лебедева и одного изъ членовъ Совѣта Академіи, и которая рѣшитъ вопросъ большинствомъ голосовъ.

4. Сочиненіе, удостоенное преміи, составляетъ собственность редакціи журнала „Богословскій Вѣстникъ“ и печатается въ этомъ журналѣ“.

Справка: 1) Преосвященный Николай, епископъ Алеутскій, въ своемъ письмѣ на имя о. Ректора Академіи отъ 21 ноября 1892 года, прислалъ 300 рублей съ тѣмъ, чтобы Совѣтъ Академіи выдалъ оные тому лицу изъ наставниковъ или студентовъ Академіи—въ видѣ преміи, кто составитъ обстоятельную біогра-

біо покойнаго ректора Московской Духовной Академіи, протоіерея *Александра Васильевича Горскаго*. 2) Согласно опредѣленію Совѣта Академіи отъ 26 января 1893 года сдѣлано было предложеніе наставникамъ Академіи, не пожелаетъ ли кто либо изъ нихъ взять на себя трудъ составленія обстоятельной біографіи покойнаго ректора Академіи протоіерея А. В. Горскаго.

Опредѣлили: Составленіе обстоятельной біографіи покойнаго ректора академіи Александра Васильевича Горскаго включить въ число кандидатскихъ темъ, которыя будутъ назначены въ слѣдующемъ учебномъ году на означенныхъ въ предложеніи профессора А. П. Лебедева условіяхъ.

X. Записки профессора И. Н. Корсунскаго, доцентовъ Н. А. Заозерскаго и А. И. Введенскаго и и. д. должность доцента П. П. Соколова о выпискѣ книгъ, которыя они считаютъ нужнымъ пріобрѣсти для академической бібліотеки.

Опредѣлили: Поручить бібліотекарю Академіи Н. А. Колосову выписать для академической бібліотеки, по справкѣ съ ея наличностью, означенныя въ запискахъ книги и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XI. Заявленіе секретаря Совѣта М. К. Казанскаго о томъ, что студенту III курса, якутскому уроженцу, Николаю Нифонтову, пользующемуся полной стипендіей (въ 220 р.) покойнаго Нафанла Петровича Соколова, назначена по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ $\frac{17}{5}$ декабря минувшаго года за № 3762, особая стипендія изъ средствъ Святѣйшаго Синода.

Справка: По заявленію о. Ректора Академіи, стипендія П. П. Соколова по усѣхамъ, поведенію и матеріальному положенію заслуживаетъ болѣе другихъ студентъ 2-го курса Василій Креминскій.

Опредѣлили: Освободившуюся послѣ студента П. Нифонтова стипендію П. П. Соколова предоставить студенту 2 курса Василю Креминскому.

XII. Предложеніе о. Ректора Академіи:

„По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 17 февраля сего года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ окончившій курсъ въ минувшемъ учебномъ году кандидатъ Академіи Константинъ Сильченковъ, оставленный для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каедтръ въ Академіи въ текущемъ учебномъ году, опредѣленъ преподавателемъ по основному, догматическому и нравственному богословію въ Харьковскую ду-

ховную семинарію. Пасему честь имѣю предложить Совѣту Академіи озаботиться избраніемъ новаго профессорскаго стипендіата вмѣсто К. Сильченкова; съ своей стороны рекомендую Павла Тихомирова, окончившаго курсъ въ Академіи съ отличными успѣхами въ минувшемъ же учебномъ году и занимающагося съ самаго начала текущаго учебнаго года въ Сергіевскомъ Посадѣ обработкою своего магистерскаго сочиненія“.

Справка: 1) Для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каедръ въ Академіи въ текущемъ учебномъ году оставлены кандидаты: Илья Громогласовъ, занимающій въ общемъ разрядномъ списокѣ 1 е мѣсто и Константинъ Сильченковъ—2 е мѣсто. 2) Занимающіе слѣдующія мѣста кандидаты: Михаилъ Свѣтлаевъ (3-е), Василий Ремезовъ (4-е) и Сергій Казанскій (5-е) уже назначены на службу въ духовныя семинаріи: Свѣтлаевъ—въ Вятскую, Ремезовъ—въ Волинскую и Казанскій въ—Виѣанскую. 3) Кандидатъ Павелъ Тихомировъ занимаетъ въ списокѣ 6-е мѣсто. 4) По § 81 лит. б п. 5 устава духовныхъ академій „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ, для приготовленія къ занятію преподавательскихъ каедръ въ оной и назначеніе имъ содержанія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Благопочтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи оставить кандидата Павла Тихомирова для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каедръ въ Академіи въ текущемъ учебномъ году и, въ случаѣ разрѣшенія, начать производство содержанія ему съ 17-го февраля сего года.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Март. 7. Стипендіатомъ оставить Павла Тихомирова. Прочее утверждается; только о назначеніи третьяго члена въ комиссію по ст. IX-й въ свое время доложить имѣ“.

11 Марта 1894 года.

Присутствовали подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоръ: Н. И. Субботина, Е. Е. Голубинскаго и Г. А. Воскресенскаго, не присутствовавшихъ по болѣзни.

Въ собраніи семь окончившій курсъ въ Московской Духовной

Академіи въ 1890 году со степенью кандидата богословія и оставленный въ томъ же году при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ кафедръ, нынѣ преподаватель Рязанской Духовной Семинаріи Василій Никаноровичъ Мышцынъ прочиталъ, согласно опредѣленію Совѣта Академіи отъ 21 февраля сего года, двѣ пробныя лекціи, одну на тему по собственному избранію: „Сущность ветхозавѣтнаго прообраза и значеніе его для ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ“, другую—по назначенію Совѣта Академіи: „Очеркъ содержанія книги Екклесіаста“. Обѣ лекціи, прочитанныя кандидатомъ В. Н. Мышцынымъ, признаны были Совѣтомъ Академіи удовлетворительными.

Справка: 1) § 48 устава духовныхъ академій: для полученія званія доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра“. 2) По § 55 того же устава, кандидаты, оставляемые при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ кафедръ, по истеченіи года представляютъ отчетъ совѣту о своихъ занятіяхъ и затѣмъ могутъ быть опредѣляемы на соотвѣтственныя ихъ приготовленію вакантныя кафедры, съ званіемъ исправляющихъ должность доцента, до окончательнаго утвержденія въ степени магистра. Срокъ для полученія ими сей степени назначается не болѣе двухъ лѣтъ со дня поступленія на должность. 3) По § 81 лит. б и. 4 устава избраніе кандидатовъ на должность доцентовъ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта академій, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Благопочтительнѣйше просить Его Высокопреосвященство разрѣшить Совѣту Академіи допустить къ чтенію лекцій по вакантной кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта кандидата богословія Василя Никаноровича Мышцына въ качествѣ исправляющаго должность доцента Академіи со времени избранія. 2) Объявить кандидату В. Н. Мышцыну, что для опредѣленія на должность доцента Академіи по означенной кафедрѣ онъ долженъ получить степень магистра, согласно § 55 устава духовныхъ академій, не позже двухъ лѣтъ со дня избранія его на должность доцента, т. е. съ 11 марта текущаго года.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Март. 20. Къ исполненію“.

15 марта 1894 года.

Присутствовали подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Архимандрита Антовія, и. д. Инспектора Иеромонахъ Сергій и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: П. И. Субботина и В. О. Кипарисова, не присутствовавшихъ по домашнимъ обстоятельствамъ.

Слушали: I Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ Совѣта Академіи отъ 21 февраля текущаго года: „Март. 7. Стипендіатомъ оставить Павла Тихомирова. Прочее утверждается; только о назначеніи третьяго члена въ комиссію, по ст. IX-й, въ свое время доложить мнѣ“.

Справка: 1) Въ пунктѣ 3-мъ статьи IX-й означеннаго журнала было изложено слѣдующее: „сужденіе о томъ, заслуживаетъ ли сочиненіе (кандидатское) преміи (въ 300 рублей, присланныхъ преосвященнымъ Николаемъ, епископомъ Алеутскимъ), поручить особой комиссіи, которая должна состоять изъ ректора академіи, ординарнаго профессора общей церковной исторіи А. П. Лебедева и одного изъ членовъ Совѣта Академіи, и которая рѣшитъ вопросъ большинствомъ голосовъ“. 2) Въ ст. XII-й того же журнала было изложено благопочтительнѣйшее ходатайство Совѣта Академіи предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи оставить кандидата Павла Тихомирова для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каедръ въ Академіи въ текущемъ учебномъ году.

Опредѣлили: 1) Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ исполненію. 2) Объ оставленіи кандидата Павла Тихомирова профессорскимъ стипендіатомъ сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

II. Отношеніе Канцеляріи Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 23 февраля сего года за № 1036:

„По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 17-го текущаго февраля, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской Духовной Академіи Константинъ *Сильченковъ* преподавателемъ по основному, догматическому и нравственному богословію въ Харьковскую духовную Семинарію“.

Справка: По распоряженію о. Ректора Академіи кандидату К. Сильченкову сообщено было о назначеніи его на духовно-учебную службу.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Вѣдомость о Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками лекціяхъ въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года, изъ коей видно, что ординарный профессоръ П. И. Цвѣтковъ опустилъ 1 лекцію, и. д. доц. А. А. Спасскій—2 лекціи, и. д. орд. проф. П. И. Казанскій—3 лекціи и доцентъ А. И. Введенскій—5 лекцій. Всѣ лекціи опущены были по болѣзни. Кромѣ того вовсе не были читаны лекціи по вакантной кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завета (на II курсѣ).

Опредѣлили: Вѣдомость напечатать вмѣстѣ съ журналами Совѣта Академіи.

IV. Отзывы о сочиненіи эстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковского Университета Михаила Остроумова подъ заглавіемъ „Введеніе въ православное церковное право“, представленномъ для соисканія степени доктора церковнаго права:

а) отзывъ ординарнаго профессора А. П. Лебедева:

„Изъ чтенія книги г. Остроумова мы вынесли благопріятное для автора впечатлѣніе и не видимъ оснований препятствовать ему въ полученіи искомой имъ степени доктора церковнаго права. Но прежде чѣмъ указать тѣ мотивы, которые побуждаютъ насъ благопріятно относиться къ сочиненію г. Остроумова, мы считаемъ долгомъ въ видахъ соблюденія безпристрастія перечислить тѣ недостатки, которые мы усмотрѣли въ разбираемой нами книгѣ. Вотъ эти недостатки.

Авторъ не составилъ себѣ яснаго понятія о томъ, что такое „церковь“, хотя и пишетъ „введеніе въ православное церковное право“. Собственно говоря, мы не догадались бы о томъ: имѣеть или не имѣеть авторъ яснаго понятія по указанному вопросу, если бы онъ не старался показать, что онъ будто бы имѣеть требуемое понятіе,—стараніе,—замѣтимъ—совершенно напрасно, такъ какъ оно убѣждаетъ, что авторъ говоритъ о предметѣ ему малозвѣстномъ. На стр. 29 въ книгѣ автора находится § подъ заглавіемъ: „христіанскія общины, не входяція въ составъ вселенской православной церкви“. Здѣсь между прочимъ встрѣчаемъ такія разсужденія: „если церковь есть едина, то отсюда прямо слѣдуетъ, что рядомъ съ ней не можетъ быть никакой другой церкви. Всякое христіанское общество, не входящее въ составъ единой церкви, не есть церковь а просто христіанская община. Смотря по основаніямъ, по которымъ эти общества выдѣляются изъ союза вселенской церкви или не допускаются въ него, они

могутъ быть трехъ родовъ: 1) еретическія, отвергающія вселенское исповѣданіе вѣры и искажающія догматы церкви; 2) раскольническія, выдѣляющіяся по своему разногласію съ церковію относительно нѣкоторыхъ сторонъ внѣшней церковной жизни, обрядовъ, управленія церковію, и 3) самочинныя сборища, составляемыя непокорными епископами или пресвитерами и народомъ“. Затѣмъ авторъ приводитъ слова 1-го правила св. Василія Великаго, въ которомъ говорится обо всѣхъ этихъ отщепенцахъ, какіе выше исчислены авторомъ. Послѣ этихъ поясненій г. Остроумова весьма любопытно было бы знать, что же такое римское католичество и протестантство (лютеранство и реформатство)? Церкви это или нѣтъ? На этотъ вопросъ къ нашему удивленію авторъ не даетъ никакого отвѣта. Самъ онъ несомнѣнно не расположенъ не только въ протестанствѣ, но и въ римскомъ католичествѣ видѣть церковь. Но однако почему же? Подъ тѣ опредѣленія еретическихъ, раскольническихъ обществъ и самочинныхъ сборищъ, о коихъ разсуждалъ *въ свое время* Василій Великій, конечно ни римское католичество, ни протестантство не подходятъ; во всякомъ случаѣ авторъ не рѣшается подвести ихъ подъ понятіе обществъ еретическихъ, раскольническихъ или самочинныхъ. Мало того: авторъ очень скоро забываетъ свои разсужденія о единой вселенской церкви и преспокойно начинаетъ потомъ и римское католичество, и евангелическое общество именовать „церквами“ (стр. 126) и только тѣмъ отличаетъ вселенскую церковь отъ этихъ послѣднихъ церквей, что онъ слово: церковь, когда рѣчь идетъ о православіи пишетъ съ прописной буквы (*passim*), а когда онъ говоритъ о р.-католичествѣ и протестанствѣ, то—съ маленькой буквы. Какъ ни маловаженъ этотъ внѣшній признакъ, онъ (признакъ) всетаки у автора отличаетъ церковь истинную отъ неистинныхъ; но встрѣчаются случаи, когда г. Остроумовъ вынуждается отказаться и отъ этого внѣшне-условнаго знака, отличающаго у него церковь отъ того, что не есть церковь. Такъ, дойдя въ своей книгѣ до разсказа о временахъ патріарховъ Игнатія и Фотія и появленіи партій при нихъ, авторъ пишетъ: „въ церкви такимъ образомъ обнаружился расколъ“ (22!). При этомъ случаѣ авторъ не рѣшился написать слово „церковь“ съ прописной буквы и такимъ образомъ для него затерялся и послѣдній признакъ, какимъ онъ отличалъ церковь истинную отъ неистинной. И такъ что же такое истинная церковь? Чѣмъ отъ нея отличаются римское католичество и протестантство остается совершенно неизвѣстнымъ для читателя книги г. Остроумова.

На стр. 138 въ книгѣ автора находится § подъ заглавіемъ: „содержаніе и раздѣленіе обзорѣнія (?) памятниковъ церковнаго права“. Затѣмъ здѣсь же говорится: „безъ сомнѣнія, обзорѣніе это можетъ быть сдѣлано только въ хронологическомъ порядкѣ появленія памятниковъ церковнаго права, слѣдовательно исторически“; потомъ онъ указываетъ, въ чемъ должно заключаться это историческое изученіе памятниковъ. Но на самомъ дѣлѣ такого историческаго изученія памятниковъ права у автора не усматривается. Такъ, авторъ почти ничего не говоритъ объ одной изъ самыхъ важныхъ эпохъ въ образованіи права—о II и III вѣкахъ. Онъ не говоритъ ни объ „ученіи 12 апостоловъ“, памятникѣ, открытомъ Врѣвниемъ, ни о Климентинахъ, ни о памятникѣ, извѣстномъ подъ именемъ: „*Canones ecclesiastici*“, ни о канонахъ Ипполита. Правда, объ нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ говорится на стр. 157—159, но говорится мелькомъ, какъ о чемъ то не особенно важномъ. Литература, посвященная этимъ памятникамъ не изслѣдуется и не разбирается. Такимъ образомъ вообще первая стадія развитія права остается совершенно необъясненною авторомъ. Что же касается до его разсужденій о правилахъ апостольскихъ и постановленійхъ апостольскихъ, то эти разсужденія отнюдь не могутъ восполнять указаннаго пробѣла, ибо они кратки и почти шаблонны. Къ ученой литературѣ, касающейся такихъ важныхъ памятниковъ, какъ Постановленія апостольскія, авторъ относится очень легко. Напр. о недавно появившемся сочиненіи Функа о „Постановленіяхъ апостольскихъ“ авторъ говоритъ лишь въ концѣ книги, въ листѣ „исправленій и дополненій“, притомъ же говоритъ въ такомъ родѣ, въ какомъ вѣщали въ древности оракулы. „Выводы автора (т. е. Функа) едва ли могутъ выдерживать серьезную критику“—и конецъ. „Литературная исторія вопроса—какъ выражается авторъ—о „Правилахъ апостольскихъ“ начинается не съ того времени, съ какого она начинается по сужденію г. Остроумова. „Первые начали отвергать апостольское происхожденіе этихъ Правилъ—говоритъ авторъ—составители Магдебургскихъ Центурій“ (стр. 170), т. е. первоначальные протестанты. Но это не правда. Уже въ концѣ V-го вѣка римскій соборъ при папѣ Геласіи къ числу запрещенныхъ книгъ относитъ „*Canones Apostolorum*“. Самъ авторъ знаетъ тотъ фактъ, что Діонисій Малый, латинскій переводчикъ этихъ правилъ, указывалъ, что уже „многіе въ то время не давали вѣры“ этимъ правиламъ (стр. 179).

Въ главѣ: „Законодательство вселенскихъ соборовъ“ авторъ кое о чемъ говорить безъ должной провѣрки своихъ словъ источниками, или же на основаніи сомнительныхъ авторитетовъ. Наприм. говоря о 1-мъ вселенскомъ соборѣ г. Остроумовъ пишетъ: „руководилъ преніями на соборѣ знаменитый Аѳанасій, въ санѣ діакона прибывшій на соборъ“ (206). Разумѣется, такого историческаго факта быть не могло. Соборами всегда руководили епископы и никогда діаконы. Авторъ, если бы захотѣлъ, легко могъ бы справиться въ подлежащихъ книгахъ относительно того, какіе епископы были дѣйствительными руководителями 1-го вселенскаго собора. О II вселенскомъ соборѣ авторъ говоритъ, что на немъ не было епископовъ западныхъ; „думаютъ, что западные—добавляетъ г. Остроумовъ— и не были приглашены“ (207). Но канонистъ долженъ знать, что если на II вселенскій соборъ не были приглашены епископы западные и не присутствовали на немъ, то этотъ соборъ лишается авторитета собора вселенскаго. Чѣмъ отличается вселенскій соборъ отъ такъ называемыхъ большихъ соборовъ древности, авторъ долженъ бы знать. Правда, эта замѣтка г. Остроумовымъ взята у извѣстнаго Hefele, но Гефеле, сначала римско-католическій профессоръ, а потомъ епископъ, тенденціозно излагаетъ исторію II вселенскаго собора и разсужденія Гефеле слѣдовало бы провѣрять при пособіи русскихъ сочиненій, въ которыхъ недостатка не ощущается. Неужели авторъ держится неправильнаго мнѣнія, что книги нѣмецкія непремѣнно лучше русскихъ?

Планъ сочиненія автора напрашивается на критику, въ немъ есть излишества, и не усматривается иногда того, что должно бы войти въ него. По такому плану писали еще пани дѣды и отцы, а наше время заявляетъ другія, болѣе сложныя, требованія. Но въ подробности не считаемъ удобнымъ вдаваться, опасаясь обвиненія въ субъективизмѣ.

Къ недостаткамъ сочиненія автора нужно отнести преклоненіе его предъ одними канонистами, какъ предъ авторитетами, и преслѣдованіе (иначе мы не умѣемъ выразиться) другихъ качовистовъ, а равно и издѣвательство надъ ними, какъ надъ сущимъ ничтожествомъ.

Къ числу канонистовъ, предъ которыми преклоняется г. Остроумовъ, принадлежитъ профессоръ Московскаго Университета г. Павловъ. Авторъ говоритъ о немъ не иначе, какъ потупя взоры. Мы не знаемъ, въ самомъ ли дѣлѣ г. Павловъ великій авторитетъ— и желали бы найти удостовѣреніе въ этомъ отношеніи въ сужде-

нiяхъ нашего автора; но такого удостовѣренiя мы не умѣли найти. Высокую авторитетность г. Павлова авторъ основываетъ главнымъ образомъ на томъ, что „*профессора Алексѣя Степановича Павлова* наименовалъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ каноническаго права въ современной Европѣ“ профессоръ В. О. Ключевскiй (стр. 95). Что нашъ академическiй профессоръ Ключевскiй человекъ несомнѣнно авторитетный и даже знаменитость, съ этимъ мы согласны; но совершенно не понимаемъ, какое значенiе въ науку имѣеть голосъ г. Ключевского, если онъ произноситъ сужденiе о г. Павловѣ. Ключевскiй, какъ извѣстно, есть профессоръ русской гражданской исторiи, а г. Павловъ канонистъ; могутъ ли похвальные слова первого о второмъ служить аттестатомъ для хвалимаго? Затѣмъ, г. Ключевскiй сочиненiй г. Павлова не разбиралъ и критикѣ не подвергалъ, а упомянулъ о немъ мимоходомъ въ одной публичной рѣчи, не имѣющей отношенiя къ оцѣнкѣ трудовъ московскаго канониста. Самъ г. Остроумовъ разъяснить для читателя значенiе трудовъ г. Павлова почему то не берется, и хотя при одномъ случаѣ, цитируя книгу г. Павлова: „Мнимые слѣды“ и пр., называетъ ее „побѣдоноснымъ опроверженiемъ книги (проф.) Суворова“ (378); но ничѣмъ не удостовѣряетъ въ томъ, что книга имѣеть указанный характеръ. Да это едва ли и можно сдѣлать, когда извѣстно, что г. Суворовъ эту „побѣдоносную книгу“ разобралъ и подвергъ критикѣ—и такимъ образомъ оказывается, что сраженiе еще не кончено. Кстати сказать, что научнаго авторитета г. Павлова не считаютъ нужнымъ признавать слѣдующiе русскiе канонисты: проф. Казанской Академiи и Казанскаго же Университета Н. С. Бердяковъ, проф. Кiевской Академiи и Кiевского же Университета П. А. Лашкаревъ и наконецъ проф. Ярославскаго Лицея г. Суворовъ—о чемъ они не разъ и заявляли печатно. Слѣдовательно, если г. Остроумовъ серьезно думаетъ облечь г. Павлова правами авторитета, то ему надлежало бы доказать, что канонисты, не признающiе авторитета г. Павлова, не правы. Изъ того, что г. Остроумовъ преклоняется предъ названнымъ Московскимъ канонистомъ вытекають нѣкоторыя слѣдствiя вовсе не желательныя. Напримѣръ въ вопросѣ о хронологiи жизни трехъ извѣстныхъ толкователей Помоканона—Зонары, Ариетина и Вальсамона (см. гл. 51—53 у автора), нашъ авторъ ни въ какомъ случаѣ не послѣдовалъ бы извѣстному мнѣнiю г. Павлова, какъ неосновательному, а сталъ бы держаться общепринятаго мнѣнiя превосходно раскры-

таго и доказаннаго покойнымъ преосв. Алексіемъ, архіепископомъ Литовскимъ (въ мѣрѣ проф. А. Θ. Лавровъ). Лишь вѣра въ авторитетъ г. Павлова заставила нашего автора поступиться правильнымъ мнѣніемъ вышеупомянутаго іерарха въ пользу мнѣнія ничуть не твердаго. Если бы г. Остроумовъ заглянулъ въ хронику Зонары и прочелъ здѣсь описаніе царствованія Алексѣя Комнина, то онъ сразу увидалъ бы, что покойный іерархъ былъ и есть правъ. Или возьмемъ другой случай: если бы г. Остроумовъ не счелъ себя обязаннымъ преклоняться предъ проф. Павловымъ, то онъ иначе бы отнесся къ той программѣ каноническаго права, какую написалъ Павловъ и которую излагаетъ и оцѣниваетъ нашъ авторъ (см. стрр. 114—116). Преклоненіе предъ авторитетомъ г. Павлова лишило нашего автора критическаго чутья или точнѣе заставило его удержаться отъ обнаруженія этой драгоценной способности. Въ существѣ дѣла „терминологию“ программы г. Павлова (которая—программа—испещрена схоластическими выраженіями: *potestas magisterii*, *potestas jurisdictionis*, *jurisdictio contentiosa*) слѣдовало бы назвать неумѣтною, а конструкцію программы—признать не принадлежащею къ лучшимъ. Въмѣсто же такихъ совершенно справедливыхъ сужденій, нашъ авторъ отдѣляется при указанномъ случаѣ слѣдующими каббалистическими словами: „мы изложили программу проф. Павлова съ сокращеніями, но это сокращеніе не препятствуютъ (!) видѣть характеръ конструкціи системы и принятой авторомъ) т. е. Павловымъ) терминологіи“. Еще бы не видѣть! Но нужно было бы сказать, что именно мы видимъ.

Другая мѣрка избрѣтена г. Остроумовымъ для проф. Суворова. Къ нему нашъ авторъ безпощаденъ. Цѣлыя книги проф. Суворова нашъ авторъ объявляетъ „фантастическими“ (378), не принимая на себя труда показать въ чемъ заключается эта фантастичность. Каноническія понятія проф. Суворова авторъ признаетъ „не научными“ (стр. 19); интересно, что г. Остроумовъ ставитъ здѣсь въ упрекъ указанному лицу то, что будто оно неимѣетъ „церковнаго понятія о церкви“. Но мы уже видѣли, сколь шатки и неясны представленія о церкви и у самого критика. Выводы и изысканія г. Суворова авторъ именуетъ „курьезами“, не обмолвившихъ однако-жъ ни однимъ словомъ о томъ, въ чемъ заключается ихъ „курьезность“ (171). Критическія печатныя работы г. Суворова по его специальности авторъ обзываетъ „отважными“ (122). Да что же тутъ худаго? Ужъ не представляетъ онъ себѣ мѣръ ученыхъ въ видѣ департаментскихъ чиновниковъ, гдѣ слу-

жащій обязанъ слушаться старшаго и исполнять его волю. Наука живетъ другими началами. Мало всего этого: г. Остроумовъ объявляетъ профессора Суворова лжеименнымъ христіаниномъ и отступникомъ отъ вѣры. Вотъ до чего доходить дѣло!! Авторъ однако-же не рѣшается высказать это отлученіе, наложенное имъ на проф. Суворова, отъ своего лица, а объявляетъ его отъ лица св. Кипріяна. Г. Остроумовъ пишетъ: „при чтеніи этихъ тирадъ (здѣсь имѣется въ виду дѣйствительно неправильное сужденіе г. Суворова о факторахъ церковнаго права) невольно вспоминаются слова священномученика Кипріяна: „пусть никто не обманываетъ братства ложью; пусть никто не подрываетъ истинъ вѣры вѣроломною измѣною“ (стр. 31). Не обвиняясь, мы должны сказать, что полемика автора съ проф. Суворовымъ производитъ непріятное впечатлѣніе и относится къ самымъ важнымъ недостаткамъ его сочиненія. Въ существѣ дѣла авторъ не имѣетъ никакого права быть неумолимо-строгимъ и придирчивымъ къ г. Суворову. Въ книгѣ г. Остроумова есть § подъ заглавіемъ: „одинаковая необходимость богословскихъ и юридическихъ знаній для канониста“. Здѣсь говорится: „для канониста равно необходимо основательное образованіе какъ богословское, такъ и юридическое. Необходимо образованіе богословское, ибо только въ свѣтѣ (?) христіанскаго ученія или міросозерцанія (?) самой церкви будетъ понятенъ зависящій отъ него своеобразный характеръ церковнаго права“ (стр. 52). Въ этихъ словахъ автора заключается оправданіе извиненія недостатковъ, присущихъ многочисленнымъ ученымъ работамъ проф. Суворова. Этотъ послѣдній не получилъ богословскаго образованія въ высшемъ спеціально богословскомъ училищѣ, отъ этого и пренебрегаетъ большая часть его увлеченій и промаховъ. Нужно жалѣть г. Суворова, а не глумиться надъ нимъ и объявлять его отступникомъ отъ вѣры.

Исчислимъ нѣкоторые замѣченные нами мелкіе недостатки разсматриваемаго сочиненія. Приписывать покойному ректору нашей Академіи вовсе не замѣчательное сочиненіе: „исторія флорентійскаго собора“ и потомъ всегда цитировать его съ именемъ этого ученаго—нѣтъ основаній (424 и дал.). Если бы г. Остроумовъ поменьше вѣрилъ показаніямъ такого авторитета, какъ Вальсамонъ, и провѣрялъ, когда это возможно, его показанія, то онъ безъ сомнѣнія зачеркнулъ бы слѣдующее мѣсто въ своей книгѣ: „патріархъ Теофилактъ (X в.) дозволилъ праздновать языческія рождественскія святки съ переряживаніемъ въ личины на празд-

никахъ Рождества и Крещенія въ самой Софійской церкви“ (517)—говоримъ: зачеркнулъ бы это мѣсто, какъ представляющее невозможную нелѣпицу, сочиненную Вальсамономъ, исказившимъ извѣстіе византійскаго историка Скилицы. Переводы автора, хотя и очень рѣдко, но все же иногда бросаются въ глаза по своей неправильности. На стр. 179 слова: *canones...., quibus, quia plurimi consensum non praebuere facilem* (рѣчь идетъ о Правилахъ апостольскихъ), г. Остроумовъ переводитъ такъ: „Правила, которымъ весьма многіе не давали вѣры, не находя къ тому препятствій“. Не только неправильно, но и не удобовразумительно. Но въ самомъ худшемъ положеніи обрѣтается авторъ тогда, когда рѣшается исправлять къ лучшему уже готовые переводы. Такъ авторъ недоволенъ переводомъ одного анаѳематизма, нѣкогда возглашавшагося въ недѣлю Православія противъ еретика Іоанна Италя—переводомъ, находящимся въ книгѣ свящ. Никольскаго подъ заглавіемъ: „Анаѳематствованіе“ и пр., и хочетъ поправить переводъ, но терпитъ полную неудачу. У свящ. Никольскаго читаемъ: „тѣмъ, которые дерзаютъ посредствомъ діалектическихъ уметвованій и школьныхъ оборотовъ слова слагать и различать *преемственное* (очевидно опечатка, вмѣсто: *престественное*; по гречески здѣсь стоитъ: *ὑπερ ὑβου*, каковыя слова никто, конечно, не переведетъ выраженіемъ: *преемственное*) соединеніе двухъ естествъ въ Богочеловѣкъ—анаѳема“ (о. Никольскаго, стр. 131). Нашъ авторъ, встрѣтившись съ этимъ переводомъ, заявляетъ, что онъ находитъ нужнымъ эту часть анаѳематизма, неправильно переведенную о. Никольскимъ исправить по греческому тексту—и затѣмъ предлагаетъ читателю такой переводъ: „тѣмъ, которые дерзаютъ діалектически дѣлать предметомъ спора природу и положеніе въ фактѣ сверхъ-естественной нераздѣльной неслиянности двухъ естествъ божескаго и человѣскаго — анаѳема“ (стр. 467). Всякій согласится, что это не исправленіе перевода о. Никольскаго, перевода дѣйствительно нуждающагося въ нѣкоторомъ измѣненіи, а прямое посягательство на здравый смыслъ читателя.

Но укажемъ тѣ достоинства разсматриваемаго сочиненія, которыя даютъ право его автору на приобрѣтеніе искомой имъ степени доктора церковнаго права.

1) Сочиненіе г. Остроумова очень обширно и есть плодъ не единогодичнаго ревностиаго труда.

2) Еще во времена студенчества г. Остроумовъ отличался энциклопедизмомъ познаній (онъ питомецъ нашей Академіи) и удивлялъ

въ этомъ отношеніи профессоръ, имѣвшихъ случай близко знать его; теперь же, какъ показываетъ разбираемое сочиненіе, энциклопедизмъ г. Остроумова весьма значительно возросъ какъ количественно, такъ и качественно.

3) Нѣкоторыя главы сочиненія снабжены такимъ обстоятельнымъ указателемъ существующей литературы по тому или другому вопросу, что дальнѣйшимъ изслѣдователямъ, преимущественно начинающимъ, не будетъ труда, пользуясь указаніями автора, составлять цѣлыя научныя трактаты и даже книги.

4) Не смотря на то, что нѣкоторыя главы сочиненія г. Остроумова суть только репродукція существующихъ ученыхъ пособій, тѣмъ не менѣе онѣ сохраняютъ свое научное значеніе, ибо нерѣдко свои пособия авторъ настолько передѣлываетъ, что эти самыя пособия получаютъ полное значеніе и надлежащую ясность только тогда, когда ихъ будутъ изучать подъ руководствомъ книги г. Остроумова. Это въ особенности нужно сказать о большой 44-й главѣ, написанной авторомъ сообразно одной книгѣ профессора *Θ. Успенскаго*.

5) Сочиненіе автора сохраняетъ единство направленія, тона и слога, не взирая на то, что оно составлено на основаніи очень многихъ книгъ, написанныхъ писателями разныхъ вѣроисповѣданій и неодинаковаго научнаго духа.

6) Пріятно отмѣтить, что г. Остроумовъ живетъ традиціями, вынесенными имъ изъ нашей Академіи и идеями, присущими этой послѣдней. Читатель его книги замѣчаетъ, что авторъ и до сихъ поръ не перестаетъ съ рѣдкою внимательностью изучать сочиненія своихъ бывшихъ академическихъ наставниковъ. Онъ превосходно знакомъ съ моими сочиненіями, съ сочиненіями профф. *Е. Е. Голубинскаго*, *В. О. Ключевскаго*; а также и съ сочиненіями профессоровъ нашей Академіи, бывшихъ его однокурсниками или младшими сотоварищами—*В. Θ. Кипарисова*, *И. Н. Корсунскаго*, *Н. А. Заозерскаго*. О г. Остроумовѣ можно сказать, что онъ и теперь продолжаетъ учиться въ нашей Академіи—честь и хвала ему за это!

б.) доцента *Н. А. Заозерскаго*:

„Названная книга г. Остроумова представляетъ собою часть задуманнаго въ огромныхъ размѣрахъ труда подъ заглавіемъ: „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Въ подлежащемъ выпускѣ авторъ представилъ общее введеніе (стр. 1—132; §§ 1—13), обзоръ памятниковъ церковнаго законодательства въ первые

девять вѣковъ христіанства (стр. 132--394; §§ 14—41) и обзорѣніе памятниковъ церковнаго законодательства въ церкви Константинопольской (394—672; §§ 42—55). Судя по этимъ рубрикамъ можно предполагать, что 2-й томъ Введенія будетъ имѣть своимъ предметомъ обзорѣніе памятниковъ и источниковъ права Русской и иныхъ помѣстныхъ православныхъ церквей.

Предлежащій трудъ авторъ назвалъ „введеніемъ“ и охарактеризовалъ какъ „очеркъ“ православно-церковнаго права. Обширность этого „введенія“, для котораго оказалось недостаточно одного большаго (672 стр.) тома, объясняется тѣмъ, что авторъ ввелъ во введеніе обширный отдѣлъ науки права, большею частію разсматриваемый въ качествѣ первой части цѣлаго курса, или ученіе объ источникахъ права. Назвавъ трудъ свой „очеркомъ“ православно-церковнаго права, авторъ выразилъ кромѣ скромной самооцѣнки своего труда — повидному особенное характерное отношеніе свое къ избранному предмету, авторъ не желаетъ выдавать себя ни ученымъ излѣдователемъ, ни систематикомъ ученаго курса, а только обзорѣвателемъ или, лучше сказать, ревизоромъ ученой литературы, констатирующимъ состояніе канонической науки въ настоящей ступени ея развитія. Взматриваясь въ методъ его изложенія, вездѣ встрѣчаешь зоркаго наблюдателя ученой дѣятельности въ кругу избранной имъ спеціальности: въ своей книгѣ авторъ съ изумительною тщательностію собралъ все, что было написано на русскомъ языкѣ по каноническому праву и изъ всего этого представилъ точный, хотя и весьма сжатый экстрактъ, такъ что съ увѣренностію можно сказать, что не найдется писателя, который выразитъ претензію къ нашему автору за то, что онъ обошелъ его своимъ вниманіемъ. Но нашъ авторъ обладаетъ многостороннею начитанностію и въ иностранной литературѣ: и здѣсь онъ такой же внимательный наблюдатель и ревизоръ, какъ и по отношенію къ отечественной литературѣ. Отвсюду извлекая лучшее, авторъ обнаруживаетъ при этомъ и то рѣдкое, но крайнее мѣрѣ въ русской литературѣ, качество, что онъ совершенно чуждъ рѣзкой полемики: ошибки своихъ предшественниковъ или мнѣній, съ которыми онъ не согласенъ, онъ отмѣчаетъ спокойно или просто обходитъ молчаніемъ ¹⁾. Внимательный къ трудамъ другихъ, воздавая каждому свое тщательною

¹⁾ Только въ нѣсколькихъ случаяхъ онъ измѣняетъ этому такту по отношенію къ мнѣніямъ профессора Н. Суворова.

цитациею именъ и сочиненій, авторъ почти всюду скрываетъ свое собственное мнѣнiе. Но ссылки на первоисточники, строгая выдержанность опредѣленнаго направленiя—несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что представляемые авторомъ свѣдѣнiя прошли чрезъ процессъ его собственной провѣрки и изслѣдованiя.

Таково общее впечатлѣнiе, выносимое изъ чтенiя разсматриваемой книги г. Остроумова. Въ частности каждый изъ главныхъ отдѣловъ, на которые м. б. подраздѣлена книга, оправдываетъ это впечатлѣнiе своими характерными особенностями.

I отдѣлъ—общее введенiе—философско-богословскаго характера. Авторъ раскрываетъ въ немъ предварительныя общiя понятiя о правѣ, религiи, Церкви и церковномъ правѣ, какъ разновидности въ общемъ понятiи права гл. (I); затѣмъ,—о наукѣ церковнаго права, ея методѣ, отношенiи къ другимъ наукамъ, и сообщаетъ краткiй очеркъ исторiи развитiя науки православнаго церковнаго права въ Византiи и Россiи. Подробною характеристикой существующихъ курсовъ и плановъ изложенiя этой науки въ настоящее время и заканчивается этотъ отдѣлъ. Въ сжатомъ изложенiи авторъ указалъ важнѣйшiя стороны въ понятiи права, подтверждая его общепризнанными авторитетами философи и энциклопедiи права, каковы: Арсенъ, Меркель, Шахманъ, Пухта, Краузе, Гоббсъ, Контъ, Савиньи, Иерингъ, Зоми. Вслѣдъ за тѣмъ авторъ изложилъ понятiя о религiи и церкви, по скольку они входятъ въ область права. Держась православнаго догматическаго ученiя о Церкви, авторъ выясняетъ въ ней стороны божескую и человѣческую, чувственную и сверхчувственную, видимую и невидимую, указывая крайности, протестантскаго ученiя, которыми по его мнѣнiю, увлекаются нѣкоторые русскiе канонисты (стр. 19).—Въ ученiи о церковномъ правѣ авторъ подмѣтилъ слѣдующее характерное отличiе его отъ права гражданскаго: „въ церковно правовомъ порядкѣ отношенiя между лицами опредѣляются подъ постояннымъ влiянiемъ сознанiя обязанностей къ Богу и потому лицо выступаетъ здѣсь главнымъ образомъ какъ *субъектъ* различныхъ *обязанностей*. Между тѣмъ какъ въ свѣтскомъ правовомъ порядкѣ отношенiя опредѣляются съ точки зрѣнiя естественныхъ потребностей и требованiй лица и общества, и потому лицо выступаетъ здѣсь какъ *субъектъ требованiй*, рядомъ съ другими подобными субъектами; ибо свѣтское право въ сущности представляетъ лишь охрану притязанiй человѣческаго эгоизма въ отношенiяхъ людей между собою съ точки зрѣнiя формальной естественной